

Сказки старого Вильнюса IV

Автор:

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса IV

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса #4

В Старом Городе Вильнюса 108 улиц, и на каждой что-нибудь да происходит. Здесь оживают вымышленные персонажи и возникают из ниоткуда выдуманные города, духам Нижнего Мира приносят в жертву горячий шоколад, деревьям читают сказки, чтобы лучше спалось зимой, за высокой стеной шумит невидимое море, а ангел смерти всегда готов прийти на помощь соседям, оказавшимся в беде.

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса – IV

© Рената Магзумова, иллюстрации

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Улица Аукштайчу

(Aukštaičiu g.)

Он подкрался, густой и безмолвный

Нёхиси куда-то пропал.

То есть не глобально пропал, конечно. Об этом речи нет. Если бы Нёхиси пропал глобально, не о чем было бы говорить. Да и, пожалуй, некому.

Строго говоря, Нёхиси вообще никуда не пропадал, просто я уже очень долго его не видел. Дней шесть, кажется. Или даже семь? В общем, с тех пор, как выпал первый декабрьский снег, и он позвал меня отпраздновать это событие кружкой горячего вина. Нёхиси любит зиму, а я терпеть не могу, и он это знает, поэтому в холода с него всегда причитается, а в оттепель причитается с меня, все честно.

Собственно, потому я и беспокоюсь: тот снег, который мы так душевно встретили в гамаке под Заречным мостом, закусывая горячее вино колотым речным льдом, успел благополучно растаять, потом снова ударил мороз, и мокрые тротуары превратились в катки, но всего на сутки, потому что на следующий день на небо, спросонья дико озираясь по сторонам, выкатилось совершенно весеннее с виду солнце, ртутный столбик термометра подскочил до плюс восьми, идиллия продолжалась целых три дня, а Нёхиси так ни разу и не выпрыгнул на меня из-за угла с криком: «Эй, это кто тут слякоть развел посреди моего декабря?» А ведь я все это время предусмотрительно носил во внутреннем кармане пальто флягу с его любимым темным ромом, лучшее, неоднократно проверенное средство от зимних бурь.

Впрочем, это как раз ладно бы, не каждый день Нёхиси приходит охота изображать праведный гнев в обмен на глоток темного рома, но вчера ночью снова изрядно приморозило, с утра начался снегопад, а не нанести мне по такому случаю утешительный визит – совершенно на него не похоже. Торжествующе извиняться передо мной в связи с очередным наступлением холодов Нёхиси любит даже больше, чем эти холода устраивать.

Поэтому я места себе не нахожу. И думаю, что надо бы его поискать.

Штука в том, что, расставаясь, мы с Нёхиси никогда не договариваемся о следующей встрече. До сих пор это было совершенно ни к чему, потому что он и так постоянно попадаетея мне на глаза. Ну или я ему. В общем, мы то и дело попадаемса друг другу на глаза, можно подумать, будто в мире никого кроме нас вообще нет.

Хотя это совершенно точно не так, мы проверяли.

Ладно, ладно. Все когда-нибудь приходится делать впервые. По крайней мере, я знаю, с чего следует начинать поиски: надо выйти из дома.

Выйти из дома не так просто, как может показаться. Сперва надо одеться, что само по себе та еще задача. Свитер, штаны, ботинки, все вот это вот бесконечное торжество материи над другой материей – той, из которой временно состою я. Ах да, еще под ботинками должны быть носки. Я толком не знаю зачем, но должны, это точно. А поверх свитера следует надевать пальто. Ну или куртку какую-нибудь, но пальто мне нравится больше, его полы развеваются на ветру и таким образом рождают еще один, дополнительный ветер, а это само по себе удовольствие – всегда, даже сегодня, когда на термометре минус четыре, с неба падают мокрые снежные хлопья, под ногами злокозненно похрустывает лед, и в сердце моем по этому поводу не то чтобы настоящая тоска, а, скажем так, некоторая досада.

Впрочем, ладно, я сейчас не о том. А о том, что надо, черт побери, одеться.

Но одеться – это еще только полдела. Прежде, чем выйти из дома, надо решить, что это сегодня будет за дом. И на какой улице он стоит, и как выглядит – все детали, вплоть до цвета входной двери и прорех в заборе. Потому что если уж взялся быть частью материального мира, будь добр, поддерживай полную определенность во всем. Бардака тут и без тебя предостаточно. В смысле без меня. Ну, то есть без нас.

Чаще всего дом, из которого я выхожу, стоит на улице Аукштайчу. Это, на мой взгляд, идеальное место. Улица расположена в самом центре и одновременно на таких задворках, что, если специально ее не искать, в жизни туда не забредешь. Целых домов здесь всего четыре, в одном из них детский сад, второй недавно отремонтировали и устроили там какой-то шикарный офис, а два оставшихся выглядят обжитыми и заброшенными одновременно, вот так сразу не поймешь, то ли хозяев выселили буквально позавчера, то ли они сами затеяли ремонт, то ли просто живут среди покосившихся стен, выходят на крыльцо, переступая через груды отсыревших досок, подставляют тазы под вечную потолочную капель в надежде, что дома выправятся как-нибудь сами, особенно если регулярно подкладывать под их стены новенькие румяные кирпичи, как сухой корм к кошачью миску – угощайся, дорогой.

Мой дом выглядит точно так же, как соседские: щербатые стены, перекошенные двери, черная от времени черепица, цветы на подоконниках, теплый желтый свет за помутневшими от времени стеклами, на осыпающемся балконе в любую погоду сушатся серые от частых стирок полотенца и вызывающе жизнерадостные красные трусы, такие достоверные в своей нелепости, что, глядя на них, никто никогда не вспомнит, что еще вчера на месте этого дома был крошечный пустырь, умиротворяюще пологие холмы тряпок и битых кирпичей в зарослях прошлогодней травы и одна-единственная уцелевшая стена – белая, снизу доверху разрисованная летящими птицами.

А дальше по улице неприветливо скалятся остовы разоренных промышленных зданий, вечная стройка, круглосуточно распахнутые ворота с предостерегающей табличкой: «Внимание, опасно! Не ходить». Врут, кстати, нет там никаких опасностей, но интересного тоже ничего нет, только смутное обещание будущих изменений и сопутствующей им человеческой суеты.

А еще там рядом река. Не то чтобы это было жизненно важно для меня, просто очень приятно. Я люблю жить рядом с рекой.

В общем, сегодня я выйду из дома на улице Аукштайчу. Это решено.

Но прежде, чем выходить, следует остановиться на пороге и прочитать магическое заклинание: «Ключи, кошелек, телефон». Несмотря на кажущуюся простоту, это очень сильное заклинание, совершенно необходимое в моем

положении, без него на улицу лучше не соваться. Все будет не то и не так, реальность рассыплется на фрагменты, как пазл, по неосторожности сброшенный со стола незадолго до завершения работы, рассердишься, растеряешься, а потом внезапно откроешь глаза, и выяснится, что ты все еще лежишь в постели, укутанный в какой-нибудь припасенный с прошлого лета теплый густой туман, а голова покоится на подушке, набитой недосмотренными сновидениями вечно не высыпающихся студентов Художественной Академии – из них, кстати, получают самые лучшие подушки, какой там пух, какое перо и, тем более, синтепон.

Само по себе все это неплохо, но означает, что хлопотные сборы просто приснились, теперь придется начинать сначала. И хотя бы на этот раз не забыть перед выходом из дома прочесть заклинание: «Ключи, кошелек, телефон».

Аминь.

Можно идти.

И иду я, конечно же, к реке. Не факт, что Нёхиси обнаружится именно там, в отличие от меня, он не видит особой разницы между водой и сушей и не предпочитает одно другому. Но прогулка у реки сама по себе удовольствие, а значит, вся суета со сборами была не зря, вне зависимости от того, найдется Нёхиси или нет.

К тому же, он все равно уже нашелся.

Сидит, как ни в чем не бывало, под старой высокой ивой, прямо в сугробе. Впрочем, вру, все-таки нет, не в сугробе, нашел где-то древние детские санки, деревянные, на металлических полозьях, теперь на таких, кажется, никто и не катается, но табуретом они служить вполне могут, почему нет.

Удивительно, впрочем, не это. А то, что в руках у Нёхиси книга. Никогда прежде не видел его с книгой в руках. Если Нёхиси приходит охота почитать, он просто идет в ближайшую библиотеку, прячется там на какой-нибудь полке, сворачивается клубком по-кошачьи, а иногда и правда превращается в кота, просто для собственного удовольствия, дремлет там, сколько пожелает, а книги читают ему себя сами, им это очень нравится, а удается нечасто, читателей

вроде Нёхиси по пальцам можно пересчитать.

Но сейчас Нёхиси читает книгу обычным способом. Более того, приблизившись, я понимаю, что он делает это вслух. Я открываю рот, чтобы спросить, что это с ним стряслось, но Нёхиси, заметив меня, сразу прижимает палец к губам и – даже не произносит, а думает: «Тсссс!»

Ладно, потерплю.

Я оглядываюсь по сторонам, прикидывая, как бы устроиться поудобней. Вокруг сугробы, а еще одних санок Нёхиси для меня не припас, лучшее, что можно сделать в такой ситуации – забраться на дерево и устроиться на какой-нибудь ветке потолще, прислонившись спиной к стволу.

Ну, почему бы и нет.

– Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища, – читает Нёхиси. – С ним было еще шесть моряков – здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флинт, и голова его была повязана синим платком. Выходило солнце. Он был бледен как смерть и плыл к нам... один[1 - Роберт Льюис Стивенсон «Остров Сокровищ», перевод Н. Чуковского.].

«Остров сокровищ», надо же. Нёхиси читает «Остров сокровищ» – вслух, среди бела дня, на берегу реки. Не стану утверждать, будто ничего более удивительного мне в жизни видеть не доводилось, но вот прямо сейчас припомнить не могу. Спасибо ему за это.

Я поплотнее закутываюсь в пальто и закрываю глаза. Как будто мне снова восемь лет, я лежу в постели с очередной простудой, и папа читает мне на ночь «Остров сокровищ» – честная плата за стоически перенесенные горчичники, у нас так было заведено.

И я – не то чтобы засыпаю, но погружаюсь в сладкую дрему, синюю, как ранние зимние сумерки, которые уже начались.

– До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» – произносит Нёхиси, и я сквозь дрему думаю: «Надо же, уже до конца дочитал».

Нёхиси задирает голову и говорит мне:

– Привет.

– Ты чего затеял? – спрашиваю я.

– Читаю, – коротко отвечает он. – А почему ты мне никогда не рассказывал?

– Не рассказывал – о чем? Что есть такая книжка «Остров сокровищ»? Ну, извини. В голову не приходило, что тебе именно этого не хватает для полного счастья.

– Не рассказывал, что дети любят, когда им читают вслух на ночь. Я-то сам никогда не был маленьким. И не знал...

– А разве это важно? – удивленно спрашиваю я, свешиваясь с ветки.

Разговаривать так не очень удобно, просто мне пока лень слезать.

– Важно, – говорит Нёхиси. – Не лично мне, а деревьям. Они же каждый год засыпают на всю зиму. И никто никогда не читает им вслух. По-моему, им должно быть очень обидно. Они-то знают, как здорово засыпать под хорошую книжку.

– Откуда они это знают?

– Да оттуда же, откуда и я. Из разговоров.

– Из каких разговоров?

– Из человеческих, – устало объясняет Нёхиси. – Ну что ты прикидываешься тупицей?

– Я не прикидываюсь. Просто пока ты читал, я задремал. А спросонок я тупица и есть. Поэтому давай ты объяснишь все с самого начала.

– Ладно.

Нёхиси сегодня на редкость покладист.

– У меня и кофе есть, – говорит он, доставая термос из внутреннего кармана пальто. – Но за ним тебе придется спуститься на землю.

– А еще одних санок у тебя случайно нет? – ехидно интересуюсь я. – Моя задница, видишь ли, не создана для попиранья сугробов.

Нёхиси молча достает из внутреннего кармана пальто деревянные санки на металлических полозьях, такие же, на каких сидит сам. Теоретически я знаю, что у него всегда при себе весь мир, но на практике все равно всякий раз удивляюсь такому эффектному жесту.

И от удивления спускаюсь наконец с неба на землю. В смысле спрыгиваю с дерева в сугроб.

И достаю из своего кармана флягу с ромом, чтобы Нёхиси тоже как следует удивился. Потому что в такой собачий холод я его обычно не угощаю. Но сегодня – ладно, пусть будет. Такой уж день, все у нас кувырком.

...– В кафе, – говорит Нёхиси. – Я зашел в кафе, причем в полной уверенности, что найду там тебя.

Обычно так и бывает – если уж Нёхиси потянуло зайти в кафе, значит, там сижу я. И наоборот. Но нет правил без исключений.

– Тебя там не было, зато был такой, знаешь, несладкий розовый лимонад, – мечтательно говорит Нёхиси. – Из тех напитков, при взгляде на которые сразу хочется стать рекой, в которую их кто-нибудь выльет. Но можно и просто купить

и выпить по-человечески, почему нет.

– Почему нет, – с удовольствием повторяю я, отхлебывая кофе из крышки его термоса.

Стать рекой, в которую постоянно кто-нибудь выливает кофе, – это очень соблазнительная идея. Останавливает меня лишь то соображение, что хороший кофе в реку выливать нет дураков, а от всякой бурды у меня быстро испортится характер. И я, вероятно, выйду из берегов.

– За соседним столом сидела довольно большая компания, – говорит Нёхиси. – Разные люди, так сразу и не поймешь, что их объединяет; впрочем, неважно. Важно другое: один из них рассказывал, как отец читал ему на ночь книгу «Остров сокровищ», каждый вечер по одной главе. И это, по его словам, лучшее воспоминание детства: за окном зимняя ночь, падает снег, в спальне тепло и темно, горит только маленькая настольная лампа, отец читает, он слушает, засыпает и сам не замечает, в какой момент книжная история превращается в его собственный сон. Говорит, потом, через несколько лет, перечитал эту книгу и очень удивлялся, что доброй половины запомнившихся ему приключений там не было, наверное, приснились, ну или отец от себя добавлял на ходу, кто теперь разберет... И другие люди тоже стали вспоминать, как им читали на ночь, а одна женщина сказала, что они с мужем и сейчас так делают, он ей читает, когда она вяжет, а она ему – в постели, перед сном. И, слушая их, я подумал про деревья. Чем они хуже людей?

Вопрос, конечно, риторический. О деревьях нам обоим известно, что они ничем не хуже кого бы то ни было. Строго говоря, деревья вообще лучше всех. Отличные ребята, даже жизнь в городе обычно почти не сказывается на их характере, хотя лично я бы на их месте чокнулся. Растить среди людей, в окружении человеческих домов и автомобилей, не имея никакой возможности выкопаться и уйти ко всем чертям, когда окончательно надоеет – это все-таки очень нервное занятие. А городские деревья ничего, как-то выдерживают. И даже симпатизируют людям, по крайней мере, некоторым. Тем, кто их замечает. Доброжелательное внимание – это очень ценный подарок, лучшее, что может дать дереву человек.

Впрочем, не будем отвлекаться.

– Когда зима такая теплая, как нынешняя, деревья спят не очень крепко, – говорит Нёхиси. – Скорее, просто дремлют. Самое время почитать им что-нибудь хорошее, так я решил.

– Так вот чем ты занимался все это время! Читал деревьям «Остров сокровищ»!

– Да почему же только «Остров сокровищ», – улыбается Нёхиси. – Эти люди в кафе довольно много разных хороших книг вспомнили. Я их раздобыл и вот, хожу, читаю. Жаль, не получается читать так громко, чтобы было слышно во всем городе сразу. Но тут ничего не поделаешь. Пришлось устроить что-то вроде лотереи – читать всем одно и то же скучно, а выбрать непросто, поэтому я беру книги из стопки по одной, наугад. И иду тоже наугад – куда ноги сами приведут. Деревьям на бульваре Вокечю я читал «Вино из одуванчиков» Брэдли, в парке Вингис – «Холодный Дом» Диккенса, на холме Тауро – рассказы Грина, на Лукишской площади – «Гарри Поттера», на Жверинасе «Записки о Шерлоке Холмсе», ну и «Остров сокровищ» напоследок – здесь. А больше пока ничего не успел. Чтение вслух – медленная работа. Я не справляюсь, дружище. Очень жаль!

– Да ладно тебе, – говорю я, снова протягивая ему флягу с ромом. – Я тебя не брошу. И даже уже знаю, с чего начну.

– Надо же, даже торговаться не стал, – ухмыляется Нёхиси. – А мог бы. Такой шанс!

– Не о чем мне с тобой торговаться, – отмахиваюсь я. – Зима и так будет теплой, это теперь и в твоих интересах. Глупо читать вслух тому, кто тебя не слышит. А в морозы деревья спят очень крепко, ты сам говорил.

– Да, – кивает Нёхиси, – эта зима будет теплой. Твоя взяла.

Теплый весенний ветер вылетает из моего рукава, по-хозяйски оглядывается и принимается за дело. Завтра утром от всего этого белого безмолвия не останется и следа.

А мне того и надо.

...Но пока снег еще не растаял, только стал мокрым и рыхлым, из такого здорово лепить снежки. В другое время именно этим я бы, пожалуй, и занялся, но сейчас ничего не выйдет, для игры в снежки нужен хотя бы один партнер. А Нёхиси отправился в Бернардинский парк с томиком Борхеса под мышкой. Меня немного смущает его выбор, невозможно предсказать, как отразится подобное чтение на характере тамошних деревьев; с другой стороны, доживем до лета – узнаем. А мы, несомненно, доживем.

Но лето будет когда-нибудь потом, так нескоро, что сейчас, пока я иду вдоль берега реки Вильняле, почти по колено проваливаясь в снег, трудно думать о нем как о чем-то возможном и принимать эти мысли всерьез. Я и не думаю. Я достаю из-за пазухи книгу, выбранную специально для яблонь Бельмонтаса, к которым я питаю особую тайную слабость, открываю ее и начинаю читать прямо на ходу: «Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался, густой и безмолвный, и за несколько часов выбелил всю долину»[2 - Туве Янссон «Шляпа волшебника», перевод В. А. Смирнова.].

Улица Базилиону

(Bazilijonu g.)

Живой человек Валентин

Вел себя отвратительно.

Ну то есть на самом деле просто как всегда. Бранил осыпающуюся штукатурку старых зданий, критиковал неумелый новодел, неодобрительно комментировал провинциальную эклектичность архитектурного ансамбля, яростно бичевал граффити, демонстративно морщил нос при виде мусорных баков и синих туалетных будок, язвительно рассуждал о менталитете местных жителей, заперших чуть ли не все проходные дворы, с притворным умилением называл «милой деревенской» каждую вторую улицу и предрекал скорое появление пасущихся коз. И только в самом конце экскурсии, когда уселись на веранде кафе над рекой, и официант принес два полулитровых бокала сидра, запоздало сообразил, что так было нельзя. Люси – не старинная подружка, которая в любой момент может ласково сказать: «Заткнись, мое сердце» или просто развернуться

и уйти, наскучив его ворчанием. То есть пока гуляли, ощущалось именно так, а теперь опомнился: на самом деле, Люси – просто наемный специалист. Когда человек проводит экскурсии за деньги, разумно предположить, что деньги человеку очень нужны. Вряд ли она могла себе позволить вот так сразу послать клиента подальше.

А в таких обстоятельствах непрерывное брюзжание – это уже свинство. Словно и правда считаешь, будто за деньги можно купить право безнаказанно доставать кого угодно.

Стыдно-то как, господи.

Сказал:

– Будете смеяться, но я только сейчас вспомнил, что на самом деле мы с вами знакомы не с детства, а только с полудня. И я не старинный друг, а просто клиент. Теперь, задним числом, понимаю, что вам было довольно неприятно выслушивать мои комментарии. Это конечно не дело. Можно я вам хотя бы вдвое больше заплачу? За вредность. За мою.

Люси нахмурилась.

– И речи быть не может. Наоборот, я как раз собиралась сказать, что возьму с вас вдвое меньше. Судя по вашей реакции, я плохо сделала свою работу. Мне не удалось по-настоящему вас увлечь. Так бывает. Не то чтобы часто, но бывает. На самом деле, это нормально. Не всем должен нравиться город, не всем должны быть интересны мои байки. Ничего страшного. Но брать с вас полную цену за время, потраченное без особого удовольствия – грабеж среди бела дня.

Яростно замотал головой.

– Это было огромное удовольствие! Правда. Совершенно не похоже на просто экскурсию, как я их себе до сих пор представлял. Просто я – вот такой неприятный тип. У меня язвительный ум и слишком длинный язык, чтобы держать его за зубами. И все осколки зеркала тролля, не израсходованные бесхозьяственными персонажами Андерсена, засели в моих глазах. Будьте снисходительны к инвалиду сказочных войн.

– Ладно, – кивнула Люси. – Принято. Тогда платите, как договаривались, упираться не стану. Но вдвое – это правда перебор. Не настолько вы противный, чтобы вас за это штрафовать.

Невольно улыбнулся. «Не настолько противный» – это она молодец. Одним словом за все свои муки расквиталась. И да, она совершенно права. Деньгами не извиняются.

А извиниться очень хотелось. Не формально, а по-настоящему. То есть исправить причиненный ущерб. Как минимум, поднять ей настроение. И удивить. И наконец-то понравиться. Или хотя бы остаться в памяти занятным чудачком, о котором можно рассказывать знакомым. Тоже, собственно, вариант оплаты.

Сказал:

– На самом деле ваш Вильнюс не нравится мне ровно по одной причине: я представлял его совсем другим. Сами наверное знаете, что такое обман ожиданий. И как это иногда бесит.

Люси удивленно подняла бровь:

– Другим – это каким? Более опрятным и праздничным? Этаким разноцветным пряничком, как старая Рига? Ну надо же.

– Нет, что вы. Совсем нет. Не опрятным, не пряничным. Просто совершенно другим. Штука в том, что Вильнюс мне несколько раз снился. Обычно я не придаю значения снам, но впечатление было настолько сильным, что я, честно говоря, и приехал сюда только из-за них. Так-то я не большой любитель путешествий по Восточной Европе, мне северо-запад подавай.

– Вот как, – протянула Люси.

Одобрительно, надо сказать, протянула. Похоже, нашел все-таки способ ей понравиться. Ну, то есть будем честны, на то и рассчитывал после всех этих вдохновенных баек о якобы спящем князе, в чьем сновидении мы все сейчас имеем удовольствие обретаться, что сердце экскурсовода сразу растает при слове «сон». Если бы на самом деле никогда не видел никаких снов

про Вильнюс, выдумал бы их непременно. А так совсем здорово вышло, врать не пришлось.

Сказал:

– Я даже фотографии в интернете перед поездкой не смотрел. Нарочно. Догадывался, что разочаруюсь, и не хотел, чтобы это случилось заранее. Разочаровываться следует лицом к лицу. Гораздо более неприятно, зато честно.

– Ну вы даете! – изумилась Люси. – Я бы точно не удержалась, сразу полезла бы смотреть фото. Я любопытная.

– А я, наверное, нет. По крайней мере, не искать фотографии Вильнюса в интернете мне было очень легко.

– А какой Вильнюс вам снился? – спросила Люси. – Как он выглядел? Помните? Можете рассказать?

Еще бы не помнил. Но вот рассказывать было особо нечего. Никогда не умел конвертировать сны в слова; впрочем, этого никто толком не умеет. Бормочут какую-то утомительную бессвязную чушь. Раньше думал, это от недостаточной дисциплины ума и скудости лексикона, но на практике выяснилось, просто из-за драматического несовпадения логических систем и образных словарей сна и бодрствования. Сон следует пересказывать в другом сне, тогда все отлично получится.

Вздохнул.

– Довольно мало на самом деле. Только какие-то детали: длинные крытые галереи, красные стены с рисунками, большое здание с фонтаном на крыше; о нем говорили: «храм», – хотя совершенно не похоже. На некоторых улицах зеркальные тротуары, на других вполне обычные. И большой стеклянный сад на площади возле центрального проспекта; что-то подобное я однажды видел на Мурано – вы там были? Неважно, я только и хотел сказать, что даже сад муранских стеклодувов ни в какое сравнение не идет с вашим, в смысле, с тем, который мне снился.

– А еще? – нетерпеливо спросила Люси. – Что там было еще?

– Очень густые вечерние туманы, молочными реками стекающие с холмов. И другие, прозрачные, как пар над кастрюлей, поднимающиеся снизу, от воды. Разноцветная черепица крыш, по большей части, синяя, иногда зеленая. Проходные дворы невероятной красоты – скульптуры в нишах, солнечные часы, цветники, лампы какие-то невероятные, почему-то на арабский манер, деревянные сараи в стиле ар-нуво, и все это, представьте, нараспашку, открыто целыми днями, ходи сколько хочешь, не то что наяву Ладно, я не о том. И вот, кстати, трамваи. В Вильнюсе, который мне снился, было много трамвайных маршрутов, всюду проложены рельсы, разноцветные и блестящие, как елочные игрушки. И вагоны такие интересные, снаружи суровое ретро, внутри вполне современные и удобные. И улицы по ночам освещаются живым огнем факелов и костров на площадях – ясно, что просто для красоты и привлечения туристов, а не из практических соображений, электричество-то в городе есть. Но все это, конечно, совершенно не передает общую картину идеально продуманного и спланированного города. И атмосферу царящей там радости – подлинной, не вымученной, не фальшивой, потому что в фундаменте ее – глубокая, осознанная и очень спокойная печаль смертного существа, ненадолго остановившегося на краю бездны... Но это меня, конечно, уже в дебри какие-то занесло. Раньше надо было остановиться.

На самом деле мог бы еще говорить и говорить, но заметил, что Люси, поначалу слушавшая его с живым интересом, озабоченно хмурится, словно он не сны рассказывает, а жалуется на проблемы, которые ей же теперь и решать.

Правду говорят, что никто не любит разговоры про чужие сны. Немного похоже на ревность к формирующему их бессознательному – понимаю, что я у бессознательного не один такой красивый, но хотя бы избавьте меня от повинности выслушивать про его шашни с другими сновидцами!

Наконец Люси спросила:

– Слушайте, а вы правда рассчитывали что-то подобное здесь увидеть? Я хочу сказать, вы же взрослый человек, немало, как я понимаю, поездивший, и примерно знаете, как обычно выглядят города в этой части света. Зеркальных тротуаров, храмов с фонтанами и костров на площадях не дождешься.

Пожал плечами.

– Ну как вам сказать. Конечно, понимал, что мне снится парадный, сказочный вариант реальности. Недостижимый идеал. Но надеялся обнаружить хотя бы некоторое сходство. Дом с разноцветной черепицей, картины на красных стенах, небольшая выставка стекла под открытым небом, хотя бы одна длинная крытая галерея, площадь с факелами, какой-нибудь причудливо украшенный проходной двор – теоретически, все это вполне могло бы существовать на самом деле. Я не так уж требователен, для счастья мне хватило бы пары-тройки узнаваемых фрагментов. Сошел бы даже просто небывало густой туман или сворачивающий за угол трамвай. Но нет, ни одного совпадения. И это очень обидно. Получается, мне снилась полная чушь.

– Ну почему сразу чушь? – улыбнулась Люси. – Вам снился замечательный сон. Несколько раз, говорите? Да вы счастливчик! Впрочем, наверное я вас понимаю. Иногда очень хочется внешней опоры. Подтверждения. Доказательства подлинности – не столько прекрасных образов из сновидений, сколько собственной живой связи с... с неведомо чем.

Удивленно кивнул:

– Да, пожалуй. Таков, вероятно, типичный современный человек: копни поглубже и непременно наткнешься на невроз богооставленности. Не знаю, как еще этот неутолимый голод по неведомо чему можно назвать.

– Хорошее определение, – серьезно сказала Люси. – Точное.

И залпом допила свой сидр. Спросила:

– А где вы остановились? На какой улице?

– На Базилиону, возле Святых Ворот.

Хотел было добавить, что гостиница оказалась паршивой, и даже не скажешь вот так с ходу, что больше вредит локации: соседство с рынком или близость Остробрамской часовни, где хранится одноименная чудотворная икона Божией Матери; так или иначе, а нищих, бомжей и просто пьянчуг в окрестностях несколько больше, чем требуется для создания неповторимого городского колорита.

Но как-то взял себя в руки и промолчал. Хватит на сегодня критических выступлений. Мэру надо знать.

Люси задумалась. Наконец сказала:

– Знаете что? Не стоит гулять по этому району по ночам. Не то чтобы по-настоящему криминальный, но довольно неприятный. Внутри Старого Города гуляйте на здоровье, туда я бы даже несовершеннолетнюю барышню в полночь спокойно отпустила, а вот пограничные улицы – Базилиону, Пилимо – как-то не вызывают у меня доверия. Тем более, что...

Осеклась и умолкла.

Переспросил:

– Тем более – что?

Люси усмехнулась, смущенно и немного сердито.

– Не люблю такое вслух говорить. Но ладно. Понимаете, у всякого города есть свой характер.

И свои способы его проявлять. Может быть, вы и сами замечали?

Кивнул:

– Ваша правда, есть такое дело. По крайней мере, так начинает казаться, когда побываешь во множестве разных городов и пытаешься понять, почему в одних, ничем особо не примечательных, был совершенно счастлив, в других чувствовал себя лишним, где-то ощущал себя капризным ребенком, на которого валятся

незаслуженные подарки, а где-то как по лезвию ходил, хоть и не смог бы объяснить даже себе, в чем именно заключается опасность.

– Да-да, я именно об этом! И что касается Вильнюса, я уже давно заметила, он любит нравиться. Особенно посторонним, в смысле, приедем, со своими у него более сложные отношения; впрочем, неважно. Штука в том, что когда понравиться не удастся, у нашего города портится настроение, и он начинает устраивать неприятности. На моей памяти такое случилось несколько раз. У одной недовольной Вильнюсом супружеской пары всего за полтора дня украли фотокамеру и телефон, другой в первый же день разбили лобовое стекло автомобиля – на платной стоянке в самом центре, что вообще-то совершенно немыслимо. У мамы моего друга, которая приехала в гости к сыну и как вы ворчала по поводу облупившихся стен, сперли кошелек, к счастью почти без денег и даже без банковских карт. Моя кузина, которая очень не любит Вильнюс и приезжает только раз в несколько лет по семейным делам, всякий раз непременно съедает здесь какую-нибудь пакость и проводит остаток отпуска в обнимку с унитазом. Кроме нее я не знаю ни одного человека, хоть раз отравившегося в одном из городских ресторанов, а этой бедняге даже домашняя еда не впрок, представляете?

Ухмыльнулся:

– Заранее надо было предупреждать. Тогда я бы точно держал язык за зубами.

– А это как раз все равно. Важно не что вы говорите, а что ощущаете. Город не человек, его не обманешь. Впрочем, лично я на месте Вильнюса вас бы не обижала. Сам виноват, что снился вам слишком прекрасным, это его ответственность... Но все равно лучше берегите карманы. И сохраняйте трезвость. И не гуляйте возле своей гостиницы по ночам. Если где-нибудь задержитесь допоздна, лучше возьмите такси. Благо они у нас очень дешевые – если по телефону вызвать, а не на стоянке садиться, разница существенная, втрое, если не вчетверо, представляете? Записать вам номера?

Кивнул:

– Конечно, запишите. Ночью, когда силы зла властвуют безраздельно, а тебе позарез надо на торфяные болота, такси – отличный вариант.

Так и не понял, опознала ли она цитату. Не улыбнулась в ответ. Впрочем, возможно просто не расслышала.

Нелепая, конечно, идея, будто город устраивает неприятности всем, кто его не полюбил, но все равно здорово, что Люси о нем заботится. Она ему нравилась, чем дальше, тем больше. Ясно, что испорченная его ворчанием экскурсия вряд ли станет началом великолепной дружбы, ну и черт с ней. Может же человек нравиться просто так, бескорыстно, без каких бы то ни было перспектив.

Если разобраться, это и есть самая честная разновидность симпатии – без перспектив. Наверное, поэтому даже не стал пытаться затянуть приятную паузу, предлагая взять еще сидра или кофе, в надежде, что Люси скажет: «Здесь кофе дрянно, но неподалеку есть отличное место, я вам покажу, пошли». Неизвестно, насколько вероятен был подобный исход, проверять не стал. Просто еще раз поблагодарил за экскурсию, попросил разрешения рекомендовать Люси знакомым, если вдруг соберутся в Вильнюс, поднялся, улыбнулся, ушел.

Люси долго смотрела ему вслед. Думала: «Ладно, он тут только до послезавтра, вряд ли успеет...» Спрашивала себя: «Вряд ли успеет – что?» Огрызалась: «Не прикидывайся», – и сердито отвечала: «Выключи уже тревожную насадку. Нет, ну правда, какое мне дело?...»

Встала из-за стола, пошла дворами в сторону Малуну, посмотреть, что там сейчас висит. Обычно всех экскурсантов водила туда, на уличную выставку фотографий с постоянно сменяющейся экспозицией, а этого не повела, не захотев слушать, как он еще и фотографа критикует. После первого часа совместной прогулки сократила программу, как могла – все, условно говоря, важное конечно оставила, работа есть работа, ее надо делать на совесть, но необязательные, самые любимые подробности вроде этой выставки решила не показывать. Кто ж знал, что на самом деле он вполне ничего. Просто разочарован и очень, очень сердит. Я бы сама на его месте...

Очень понятно, да.

Долго стояла перед фотографией из Непала – обезглавленные трупы принесенных в жертву тощих коров, мальчишка, беспечно бегущий по каким-то

своим детским делам, перепрыгивая через кровавые ручьи – думала: «Ладно, к черту его, как будет, так и будет, это не мне решать».

Уже по дороге домой позвонила Яну, который прислал этого клиента. Спросила:

– Слушай, а как моего сегодняшнего экскурсанта зовут? Я, как всегда, представилась и сразу начала тарыхтеть, поэтому даже если он и назвался, не расслышала. А теперь этот красавец пакет с открытками в кафе забыл, я бы ему в гостиницу занесла, мне сейчас как раз по дороге, а для кого оставить, не знаю.

– Ты и сейчас тарыхтишь, не слушая, – рассмеялся на том конце провода Ян. – Я тебе уже два раза сказал: Валентин.

Поблагодарила, спрятала телефон в карман.

Сказала себе: «Ладно, хоть что-то», – и отправилась дальше, на ходу машинально укладывая в сумку наспех выдуманный невесомый бумажный пакет с сувенирными открытками, покупать которые этому дурацкому сварливому мечтательному прекрасному Валентину в голову бы не пришло.

Люси все-таки была чудесная. И произвела на него совершенно неизгладимое впечатление. Пока шел через Старый Город в гостиницу, ее голос натурально звучал в ушах, насмешливо комментируя увиденное: «Это только на первый взгляд обычные трещины, а на самом деле – следы прикосновений неумолимого Кроноса; он, как видите, самолично проходил по этой улице, и вот именно тут зачем-то остановился и погладил стену, можно сказать, приласкал; священное, стало быть, место, а мы с вами – паломники, теперь нам автоматически прощены грехи опозданий, грехи излишней поспешности и даже страшный грех бессмысленного убийства времени, можно начинать грешить сначала, с чистой страницы, повезло».

Думал всякую ерунду Люсиным голосом и улыбался, только что не смеялся вслух. Но город, честно говоря, все равно не стал нравиться ему больше. Ничего личного, уважаемый Вильнюс, просто ты не в моем вкусе. И оказался совершенно не похож на мои сны. Прости, я сам дурак, зря затеял эту поездку. Вроде бы взрослый человек, давным-давно в курсе, что чудес не бывает, а сны –

это просто сны, но вот, понимаешь, нашло помрачение. Кризис среднего возраста, чрезмерная начитанность, безответственная болтовня старого приятеля про онейронавтику[З - Онейронавтика - условно говоря, наука об, условно говоря, осознанных и, еще более условно говоря, контролируемых сновидениях.], внезапно образовавшееся свободное время, испытание которым мало кто выдерживает достойно, все дела. Не серчай, я скоро уеду.

В гостинице принял душ, завалился в постель с планшетом, ответил на пару писем, попытался посмотреть очередную серию «Игры Престолов», но заснул при попытке вспомнить, кто там кому кем приходится и кого успел убить, слишком велик был перерыв. Проснулся пару часов спустя, не разбитый, как обычно после дневного сна, а напротив, бодрый и готовый на подвиги. Интересно, какие подвиги можно совершить в тишайшем городе Вильнюсе, в половине седьмого субботнего вечера? Ответ однозначный: пожрать. И выпить. Но совсем немного. Люси велела сохранять трезвость, ее воля священна, prost.

Сперва поужинал в одном из ресторанчиков, рекомендованных Люси. Кстати, просто отлично поужинал, даже не ожидал, а загадочный грушевый коньяк, продегустированный из любопытства, оказался выше всяких похвал. Потом какое-то время бродил по улицам, отмечая, что в сумерках город нравится ему гораздо больше; темнота, впрочем, кому угодно к лицу. Выпил кофе, как-то незаметно вышел на центральный проспект, прогулялся по его проезжей части, в вечернее время свободной от автотранспорта в пользу пешеходов - отличная, кстати, традиция, но позволить себе такую может только глубоко провинциальный городок, где «пробкой» называют небольшое скопление машин у светофора, а «часом пик» - такое ужасное время, когда десятиминутная поездка может растянуться на целую четверть часа.

Наконец обрел успокоение на белом пластиковом стуле под желтым тентом кафе с забавным названием «No sugar». Название оказалось враньем, сахарницы там все-таки стояли, но простил им эту сладкую ложь за отличный кофе, грамотный апероль-шприц и оранжевый плед, защитивший от речного ветра. Если учесть, что планшет со всеми специально закачанными в дорогу книгами был с собой, неудивительно, что просидел там до самого закрытия. И даже растерялся, когда вежливая бариста попросила освободить стул и отдать плед - чего это они так рано сворачиваются? Оказалось, не то чтобы рано, полночь на носу, все приличные золушки удаляются с бала, роняя хрустальные тапки. И мне, стало быть, пора.

О возможности вызвать такси не то чтобы не вспомнил, еще как вспомнил и возмутился: это что же значит, через пять минут приедет машина, вжик-вжик, и я дома – еще через пять? То есть, не дома, а в паршивой гостинице, где бесит абсолютно все, хотя придраться, строго говоря, особо не к чему. Ну, то есть, обои не висят клочьями, техника работает, слив в умывальнике не забит, даже запах из коридора не тошнотворен, но сердцу не прикажешь, уму – тем более, гостиница все равно бесит. Поэтому глупо возвращаться туда задолго до того, как захочется спать. А случится это, спасибо внезапному дневному визиту Морфея, ой как нескоро.

Подумал: ладно, если этот город и правда так мстителен, как рассказывала Люси, от возмездия мне все равно не уйти, захочет – покажет мне, где раки зимуют, для этого не обязательно грабить и убивать, достаточно устроить под окнами какую-нибудь дискотеку с русской эстрадой, которую здесь почему-то так трепетно любят, и дело сделано, враг в моем лице будет ползать на брюхе и просить о пощаде уже через полчаса. Лучше уж, правда, пусть просто грабят и убивают, дам им такую возможность, будь что будет, пойду пешком. И самой дальней дорогой, авось все-таки устану, тогда гостиничная койка сразу обретет для меня новый ослепительный смысл.

По дороге завернул в какой-то бар, заказал там местного пива, попробовал, не понравилось, ушел, не допив. Во втором баре повезло гораздо больше, там играл, страшно сказать, Pink Floyd, и смешивали, глазам своим не поверил, кайпиринью[4 - Кайпиринья – коктейль, в состав которого входят кашаса (бразильская водка из сахарного тростника, сок лайма и колотый лед.), да такую отличную, какой давненько не пробовал, там просидел почти целый час, мог бы и дольше, но вдруг почувствовал, что устал – еще не настолько, чтобы все-таки вызывать такси и заснуть прямо на заднем сидении, но достаточно, чтобы спросить дорогу, выслушать объяснения и обрадоваться, а не огорчиться, выяснив, что пешком до гостиницы – максимум пятнадцать минут.

Шел по широкой, темной, скудно освещенной редкими фонарями улице, глазел по сторонам, насмешливо думал, что кайпиринья – отличный напиток, специально для придирчивых туристов, первую порцию следует принимать прямо в зале прилета или на вокзальном перроне, а потом постоянно добавлять, примерно раз в два часа. Очень полезный коктейль, поднимает настроение, застилает глаза сладким туманом, примиряет с жизнью настолько, что нравится решительно все, начиная с нелепо оформленной витрины парикмахерской,

где возвышается пирамида отрубленных кукольных голов, пухлощеких и голубоглазых, с туго завитыми льняными локонами, и заканчивая старым зеленым трамваем, с лязгом и грохотом влекущем по рельсам свое прекрасное ветхое тело... Так, стоп. Получается, тут все-таки есть трамваи? А Люси не сказала, когда я досадовал на их отсутствие. Интересно, почему? Неужели настолько рассердилась? Впрочем, имеет право, я же действительно совершенно ужасный клиент. А что другом могу быть хорошим, так это у меня на лбу не написано, поди угадай.

Трамвай поднял и без того уже исправленное кайпириньей настроение на недосыгаемую какую-то высоту. Шел, озираясь по сторонам с оптимистическим любопытством именинника, твердо уверенного, что сегодня ему положено еще много подарков, главное – не зазеваться, не пройти мимо, ничего не пропустить.

И совершенно не удивился, заметив, что под ногами клубится туман, прозрачный, как пар над кастрюлей, в точности, как во сне. Напротив, подумал, что теперь наконец-то все пошло как надо. Получается, поездку затеял не зря.

Все не зря, абсолютно все.

Люси уже успела надеть пижаму и завалиться – пока не в постель, а только на диван. Сегодня она ночевала одна и желала насладиться всеми преимуществами холостяцкой жизни. Например, поужинать лежа, одним глазом уставившись в телевизор, где хлопотала на кухне жена инспектора Барнаби[5 - Инспектор Том Барнаби – главный герой британского детективного телесериала «Чисто английские убийства» (англ. «Midsomer murders»)], а другим – в экран ноутбука, где, повинувшись ее воле, прыгали и исчезали разноцветные шарики[6 - Вероятно, Люси играет в компьютерную игру «Color Lines»]. В жизни всякого культурного человека должно быть место приятной деградации. А когда у человека чуть ли не каждый божий день лекции, восхитительные, но выматывающие экскурсии по выходным, полдюжины недописанных статей, танцы как минимум два раза в неделю и внезапно удавшаяся личная жизнь, времени на деградацию остается, увы, совсем немного. Надо использовать всякий подвернувшийся шанс.

Пустая тарелка уже стояла на полу, инспектор Барнаби волок на допрос очередного добросердечного деревенского маньяка, число исчезнувших по Люсиной воле разноцветных шариков перевалило за пять тысяч, когда она, сама того не заметив, задремала в обнимку с теплым, тихо гудящим ноутбуком, но тут же вскочила, не открывая глаз, бросилась к закрытому по случаю слишком ветреного вечера окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и долго-долго стояла, не то разглядывая ночную улицу, не то просто досматривая сон.

Наконец сказала вслух:

– Так и знала, что влипнет. Так и знала! У него же на лбу было написано: «Я приехал сюда специально, чтобы влипнуть в какую-нибудь дурацкую историю». Мать твою. И что теперь делать, а?

Ясно что – одеваться. Не в пижаме же из дома выходить.

Когда впереди замаячил массивный корпус крытого рынка – перед ним надо будет свернуть налево, за угол, и считай, на месте – почти огорчился, что прогулка уже закончилась, хотя спать хотел зверски, глаза закрывались буквально на ходу, таково воздействие умеренного количества алкоголя на крепкий организм: не выветривается, а перерабатывается в чистую сому[7 - Сомы – ритуальный напиток у индоиранцев и в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах и одновременно олицетворяющее этот напиток божество.]... в смысле тьфу ты, дрему. Но оговорка, конечно, хороша.

Сонливость прибавила ему невозмутимости. Совершенно не удивился, обнаружив, что прозрачный поначалу вечерний поземный туман уже почти скрыл от глаз тротуар, и его собственные ноги стали невидимыми. Очень необычное, надо сказать, переживание – идти по колена в облаке, не ощущая ни сопротивления среды, ни влажности, ни даже прохлады, вообще ничего.

Не удивился, когда мимо, отчаянно дребезжа, промчался очередной трамвай, а ведь проходил по этой улице со смешным названием – «пилим»? «попилим?»[8 - На самом деле по всем приметам это улица Пилимо (Pylimo), она действительно находится совсем рядом с улицей Базилиону, и крытый рынок (Hales Turgus) там тоже есть.] – когда искал свою гостиницу, и никаких трамвайных рельсов тут не было, я бы обязательно заметил, я же везде их высматривал, наивный дурак.

Впрочем, не такой уж наивный, есть, есть тут трамваи. Все-таки есть.

И когда увидел при свете факелов, аккуратно пылающих в каких-то хитрых специальных жаровнях на другой стороне улицы, красную стену жилого дома, явно разрисованную какими-то картинками, тоже не удивился, но сразу рванул туда через проезжую часть, чтобы рассмотреть рисунки, отсюда ни хрена не видно, в смысле никаких деталей, только сам факт.

Долго разглядывал многофигурные сцены из жизни русалок, драконов и странных условно антропоморфных существ, словно бы вышедших из средневековых учебников географии, одноногих и одноруких, иногда безголовых, с глазами на груди и зубастыми голливудскими улыбками в районе брюха. Рассмотрел почти все, кроме нижнего ряда, очень уж высоко поднялся к тому времени туман; попробовал разогнать его клочья, как докучливых собачонок, но тут нарисованная на стене зеленоволосая дева с рыбьим хвостом натурально показала ему кулак, зло прошипела: «Оставь наш туман в покое, убирайся отсюда, незваная лишняя тень!» Отшатнулся – не столько от неожиданности, не потому даже, что рисункам не положено шевелиться и говорить, а испуганный ее недоброжелательностью. Во всех его снах о Вильнюсе окружающий мир был не то чтобы добр, скорее, просто равнодушен, но никакой угрозы не таил, это точно, во сне такие вещи чувствуешь не просто сердцем, всем телом, а наяву, получается, нет. Пока кулак под нос не сунут, думаешь, будто все наваждения этого тихого ночного мира, русалки, трамваи, огни и туманы – твои хорошие друзья. А это, похоже, не так.

Впервые за весь этот удивительный вечер спросил себя: погоди, а что вообще происходит? Я просто заснул в кафе? Или скорее в том баре с фloydом и кайпириньей? Ладно, если так, все в порядке, рано или поздно меня растолкают и отправят домой. Мое дело маленькое: терпеливо ждать и постараться не свалиться во сне с высокого табурета – там, на далеком яву.

Туман, тем временем, поднимался все выше, уже окутал его по пояс, прежде восхитился бы – боже, какая невероятная красота! – но в тот момент, когда испугался нарисованной русалки, сам того не желая, повернул в себе какую-то тайную кнопку, ответственную за поступление в организм чистого животного страха, и теперь пугающим казалось все вокруг. Приземистое здание рынка выглядело сотканным из живой, хоть и дремлющей до поры, до времени тьмы, туман тоже явно был совершенно живым и, в отличие от остальных присутствующих, голодным, ясно, что он не просто романтически стелется

по земле, поднимаясь все выше и выше, а совершенно осознанно подбирается к горлу, вернее, ко рту и к носу, туману важно, чтобы ты вдохнул его полной грудью, как воздух, тогда все получится, он заполнит тебя изнутри и станет тобой, а ты станешь туманом – а откуда, как ты думаешь, берутся туманы? Из чего они состоят? Мельчайшие продукты конденсации водяного пара? Держи карман шире. Мельчайшие продукты конденсации отчаяния заблудившихся странников, утративших все, кроме способности постоянно пытаться вспомнить себя и не мочь. Никогда не мочь.

Метнулся в ближайшую подворотню. Сперва сам не понял, зачем это сделал, но оказавшись во дворе, обрадовался, обнаружив: тумана здесь почему-то нет, ни следа, ни намека. Словно туман был рекой, а улица – руслом, изменить которое конечно возможно, но не сразу, не так быстро, как необходимо, чтобы настичь добычу, вкусную, но слишком шуструю, не повезло.

Подумал: «Зато мне повезло. А теперь, пожалуйста, давай просыпаться». Но и сам в глубине души понимал, что толку от этих призывов не будет. Невозможно проснуться тому, кто еще не уснул.

Сказал себе: только без паники, эй! Паника – последнее дело, во сне ли, наяву ли, в этом смысле разницы никакой. Призыв не бояться, ясное дело, из тех, что легко и всегда уместно озвучить, но совершенно невозможно исполнить, однако это не повод давать страху власть над собой. Действовать следует так, словно ни черта не боишься, когда-то ты это умел. В детстве, устав быть трусом, убегающим домой от любой наспех выдуманной опасности, нарочно учился притворяться, будто ничего на свете не страшно, закалял характер и вроде бы даже более-менее закалил, по крайней мере, потом не раз получалось выглядеть храбрым и вести себя, как должно, когда в глазах было темно от ужаса, и сердце, устав колотиться о ребра, замирало в тайной надежде, что замереть удалось навсегда, а со стороны, говорят, не было заметно, и поступки оставались разумными, и жесты твердыми, я был большой молодец. Ну и где теперь этот полезный навык? Соберись, успокойся, если уж так вышло, что сдуру испугался, можешь продолжать бояться сколько душе угодно, но очень прошу тебя: соберись и веди себя как разумное существо.

Очень вовремя с собой поговорил. Потому что буквально несколько секунд спустя, когда земля начала дрожать и вибрировать под ногами, не побежал черт знает куда, оглашая окрестности дикими воплями, а остался стоять где стоял, напомнив себе, что землетрясение – это далеко не всегда конец света.

Тем более, что здесь, в Прибалтике, их вроде бы вообще не бывает. Нечему тут трястись, кроме твоих поджилок, бедняга. И еще табурета в баре, где ты, будем надеяться, все-таки мирно спишь вот прямо сейчас, оглушенный ранним подъемом, чересчур свежим воздухом, выпивкой и впечатлениями.

Дождавшись, пока земля уgomонится, огляделся по сторонам – вроде бы, двор как двор, с цветами в палисаднике и даже полотенцами на веревках, натянутых, как струны и гудящих на теплом ночном ветру. И разноцветные фонари в мавританском стиле развешены у подъездов – как же это, оказывается, красиво в сочетании с простодушными двухметровыми мальвами, самодельными скамейками, наспех сколоченными из недолговечных светлых сосновых досок, и как почему-то пугают теплые пятна их света, разбросанные по земле, откуда, о господи, может быть ясно, что на них нельзя наступать, с чего я вообще это взял?

Долго еще стоял бы в недоумении, не решаясь сделать ни шагу в этом уютнейшем из дворов, но тут распахнулась дверь ближайшего подъезда и высокая статная женщина, не то блондинка, не то просто седая, с достоинством кутающаяся в банный халат, как в дорогие меха, гневно закричала:

– А ну, убирайся, незваная лишняя тень! Тварям вроде тебя нечего шастать возле человеческого жилья, ваше место в лесу на холмах за рекой. Уходи по-хорошему или я позвоню в полицию, уж они-то знают, что делать с такими как ты!

Ушла в дом, хлопнув дверью, а он еще какое-то время встревоженно оглядывался в поисках какой-то загадочной незваной тени, которую гнали прочь, думал: наверное, она не очень опасна, если тетка вышла ругаться, а не заперлась на все замки.

Думал: ну и дела, ну и город, ну и порядки у них, чьи-то бесхозные тени скитаются тут по дворам, как бродяги, и никто им, похоже, не рад, только страшат полицией, на самом деле ужасно смешно.

Думал: кажется, что-то такое говорила мне нарисованная русалка: «незваная лишняя тень». Погодите, вы что, хотите сказать, незваная тень – это я?!

Поднес к лицу руки, но их не увидел, опустил глаза и не обнаружил на положенном месте ни туловища, ни ног, вообще ничего, только полупрозрачный почти бесформенный сгусток тьмы на асфальте, таком растрескавшемся, словно Кронос не просто шел мимо, а закатил тут истерику и яростно топал ногами последние полчаса. Подумал: похоже, тень – это и правда я сам. Похоже, я исчезаю. Интересно, что следует делать тени, которая не хочет исчезнуть? Выйти на яркий свет?

Но не смог сделать ни шагу. Очень трудно пошевелиться, когда состоишь из почти рассеявшейся тьмы, особенно если это случилось с тобой впервые, и у тебя просто нет соответствующих навыков, никогда не знаешь заранее, чему следует научиться, какие умения однажды спасут тебе жизнь, которой, похоже, у тебя никогда не было, только мерещилась, не жалко с такой расставаться, ну ее к черту, мне пора исчезать.

Исчезать оказалось совсем не страшно, напротив, сладко, как засыпать после долгого трудного дня, закрыть глаза, разглядывать мелькающие перед ними картинки, ждать, когда им на смену придет блаженная тьма.

Из оцепенения его вывел звонкий женский голос, пронзительно, почти переходя в визг, оравший где-то вдалеке: «А потом сюда приехал в гости Валентин! Хороший живой человек по имени Валентин приехал в наш город и стал тут гулять. И до сих пор гуляет здесь человек Валентин!»

Сперва эти вопли его раздражали, как музыка за окном, которую слышишь во сне, недостаточно громкая, чтобы разбудить, но и не настолько тихая, чтобы можно было ее игнорировать. Спросонок попробовал заткнуть уши; вроде бы, правда заткнул, но крики от этого никуда не делись, напротив, они явно приближались, становились все громче, поэтому пришлось открывать глаза и подниматься, почему-то не с постели, а с земли, вернее, с асфальта – господи, где это я, что со мной, почему?

Безуспешно пытаюсь отряхнуть слишком светлые для отдыха на голой земле брюки, вспомнил, как исчезал. И почему-то даже не стал пытаться убедить себя, будто это просто приснилось. Двор-то – вот он, все тот же, цветы, полотенца, фонари в мавританском стиле, через широкий проем распахнутых настежь ворот видно, что на улице по-прежнему пылают факелы, а про тротуарам стелется

чертов туман. И терпкий привкус тьмы на онемевших от небытия губах, это ощущение ни с чем не перепутаешь, а значит страшный сон о прекрасном городе продолжается, по сценарию я тут – незваная лишняя тень, привет.

И в этот момент у него на шее повисла Люси.

– Нашелся все-таки! – торжествующе воскликнула она. И рассмеялась. И почти заплакала, но передумала в самый последний момент, поэтому просто по-детски шмыгнула носом, этим и ограничилась.

Смотрел на нее, распахнув рот. Ничего себе поворот.

Наконец Люси спрыгнула с его шеи, отошла на несколько шагов, критически осмотрела с ног до головы, похоже, осталась вполне довольна увиденным. Одернула сбившуюся набок кофту. Деловито сказала:

– Значит, так. Главное, что тебе следует знать: ты не сошел с ума – это раз. И два – ничего еще не закончилось, рано расслабляться. Давай руку.

Так обрадовался, что она тут, да еще перешла на ты, что не стал задавать никаких вопросов. Не то чтобы их не было, просто временно вылетели из головы.

– Другое главное, что следует знать, – говорила Люси. – Это место не злое. Бояться его не надо. Честно говоря, бояться даже нельзя; по моему опыту, страх очень мешает найти дорогу, пока не успокоишься, не выйдешь, хоть годами тут броди.

Повторил:

– Не злое. Ладно, попробую в это поверить. Мне так не показалось; с другой стороны, зачем тебе врать?

– Я, между прочим, вообще никогда не вру, – усмехнулась Люси. – Даже когда рассказываю туристам о василиске, зайцах-людоедах и прозрачных сияющих птицах, порой залетающих к нам из других миров. Другое дело, что часто путаю разные правды, меняю их местами, произношу вслух там, где они слишком похожи на выдумки. Но на моем месте кто угодно мог бы запутаться. Обычное

дело, когда живешь одновременно в нескольких городах, и в каждом свои порядки. И правда тоже своя. Пошли. Только держи меня за руку, живой человек Валентин, и ни в коем случае не отпускай. Лучше не рисковать.

Ну, не то чтобы это было невыполнимое требование.

Пошли, но не в сторону улицы, а в глубь двора, где за кустами давно отцветшей сирени обнаружился узкий проход в следующий двор, засаженный виноградом, а оттуда – еще в один, все не заперты, открыты нараспашку на радость ветрам, любопытным дошкольникам и вездесущим туристам, желающим всюду сунуть нос.

Люси говорила:

– Этот город придумал мой дедушка Жюль. И, кстати, не только его. Еще много всякого разного. Дед не желал довольствоваться одним-единственным Вильнюсом, хоть и любил его, и уезжать отсюда никуда не хотел. А в утешение своей бродяжьей душе придумал теорию, будто всякий город – это сумма городов-близнецов, существующих одновременно в одной точке пространства и одновременно в разных Вселенных. На этом месте все уважающие себя математики немедленно сходят с ума, а дедушка Жюль испытующе смотрит в глаза пятилетней внучке – то есть, мне – спрашивает:

«Ну как, понятно?» И внучка в моем лице отвечает: «Конечно, да». В пять лет такие вещи и правда довольно просто умещаются в голову... Эй, человек Валентин, ты меня слушаешь? Не начал опять исчезать?

– Не исчезаю. Слушаю. Правда, ни черта не понимаю. Но мне и не пять лет.

– Да, это серьезное препятствие. Поэтому долой теорию, переходим к практике. А на практике вышло так, что сперва все чудесные города, придуманные дедом, чьи сказки я была готова слушать сутками напролет, стали мне сниться.

И в этом, конечно, не было ничего удивительного, считается, что сновидения слагаются из дневных впечатлений, а сказки это тоже впечатления, правильно?

- Да.

- Ну вот. А потом, когда я пошла в школу, и у меня появились подружки, оказалось, им тоже снятся точно такие или просто очень похожие города. И как же это было здорово – обсуждать наши приключения среди туманных улиц с горящими факелами, или на площадях, освещенных огненными летучими змеями...

- А что, и такое бывает?

- Чего только не бывает, мой друг, живой человек Валентин. И не только во сне. И не только с детьми. Когда год примерно спустя после дедовой смерти я впервые забрела в один из его городов наяву, удивилась только тому, что так не случилось гораздо раньше. Всю жизнь подозревала, что дедушка Жюль, как и я сама, никогда не врет, только путает правды, меняет их местами, не выдумывает, а проговаривается. У нас это, понимаешь, фамильное: слишком длинный язык... Эй, это не повод отпустить мою руку! Еще слишком рано, мы пока никуда не пришли.

Спросил:

- А куда мы идем?

- Как – куда? Домой. В тот город, куда ты приехал поездом или прилетел самолетом, не знаю, как было дело...

- Прилетел.

- Отлично, принято. Только разницы никакой. Важно, что там у тебя номер в гостинице, чемодан с вещами, настоящее, прошлое, будущее и как минимум несколько сотен человек, твердо знающих о твоём существовании. Там ты можешь оставаться сколько угодно, не исчезая, и мне не придется поминутно вопить, напоминая реальности, что ты – настоящий живой человек по имени Валентин.

– О боже. Так ты...

– Совершенно верно, живой человек Валентин, ты все правильно понимаешь, я спасла твою шкуру и продолжаю ее спасать. Этот город совсем не зол, просто с его точки зрения тебя действительно нет. А я, конечно же есть – здесь и во всех остальных городах, выдуманных дедушкой Жюлем, потому что, рассказывая мне сказки, он непременно упоминал, что в этом чудесном месте на улице Заячьих Снов или в переулке Безымянных Звезд живет девочка Люси. А о тебе он никогда не рассказывал, не со зла, конечно, просто не знал, что живет на свете такой человек Валентин, который однажды забредет в его выдумку, или в свой собственный сон, все предусмотреть невозможно, сам понимаешь. Такие дела. Ну, я как могла исправила вашу с дедом оплошность. Когда знаешь человека по имени, обычно удается убедить реальность, что он по-настоящему существует, а не прикидывается живым, чтобы, дождавшись утра, съесть наши тени и закусить нашим солнечным светом, не мотай головой, я знаю, что ты ничего подобного не замышлял, но мог бы так поступить, если бы дождался рассвета. Что, будем честны, маловероятно, когда я пришла, от тебя оставались одни воспоминания; впрочем, воспоминаний всегда достаточно, чтобы воскреснуть. Или почти всегда.

Дернул ее за рукав.

– Люси, вон там...

– Ты прав, дорогой живой человек Валентин, там, за воротами, улица Базилиону, самая настоящая. Выйдем аккуратно напротив твоей гостиницы, только держись покрепче. Не закрывай глаза, когда еще такое увидишь – путешествие из одной реальности в другую, в рамках которого не происходит практически ничего выдающегося, только белый кот перебегает дорогу, он, между прочим, не просто так киса-киса, а настоящий страж. Голодные тени боятся его до смерти и ведь действительно умирают, заступив проведенную его бегом черту, а настоящие люди, веселые путники вроде нас, только смеются: «Хорошая примета!» – и бесстрашно... Эй, живой человек Валентин, повторяю: бесстрашно! – идут и выходят на улицу Базилиону. Вот и мы тоже вышли. Привет.

– Привет! – сказала Люси.

Они стояли на улице Базилиону, почему-то держались за руки, как влюбленная пара младшего школьного возраста, и Люси смотрела ему в лицо, снизу вверх, приветливо, но и встревоженно.

– Привет, живой человек Валентин! – повторила она. – Мы же не станем делать вид, будто ничего особенного не произошло, и я просто случайно встретила тебя... – прошу прощения, вас – среди ночи возле гостиницы? Тем более, совершенно непонятно, за каким чертом я тут слоняюсь в половине четвертого утра.

Стоило ей назвать его по имени, как в голове прояснилось. И то, что буквально секунду назад казалось почти забытым сном – находчивый ум даже успел придумать объяснение: увидел кошмар, проснулся, не смог спать дальше, пошел проветриться – снова стало воспоминанием. Малоправдоподобным, зато вполне четким, грех жаловаться. И отмахиваться тоже грех.

Наконец спросил:

– Ты... Вы поэтому советовали мне возвращаться домой на такси, а не бродить пешком? Заранее знали, что я могу... забрести, куда не положено?

Люси просияла.

– Ну да! Почему-то именно здесь, на границе Старого Города, ткань реальности слишком тонка. Гулять здесь по ночам – одно удовольствие, но оно может стать довольно опасным, когда город влюблен в тебя по уши и ревнует, и все больше хочет понравиться, и очень, очень сердит.

Улица Барборы Радвилайте

(Baiboros Radvilaites g.)

Strange Love

Сказал: «Я люблю тебя больше жизни», – а потом проснулся, представления не имея, кому именно это говорил.

Никогда этого не помнил.

Сны, в которых был страстно, самозабвенно и очень счастливо влюблен, снились ему время от времени, лет примерно с пятнадцати. Некоторые смутные подробности оставались в памяти, в основном, городские улицы, по желтым каменным тротуарам которых ходили, обнявшись, никуда не спеша – всегда одни и те же, застроенные невысокими двух-трехэтажными домами с одинаковыми островерхими светлыми золотистыми крышами, наяву незнакомые, но за множество сновидений изученные, исхоженные вдоль и поперек, даже машина у него там была, старый кабриолет шоколадного цвета, обычно оставлял ее в переулке, недалеко от смешного фонтана в виде стаи попугаев, реже – на площади, возле пешеходного моста, подсвеченного зелеными фонарями, с закрытыми глазами нашел бы, честное слово, хоть сейчас.

В этом городе почти всегда была ночь, изредка сумерки, только однажды приснился очень яркий, теплый солнечный день, золоченая черепица крыш сияла так, что глаза слепило, а стены домов оказались яркими и полупрозрачными, как леденцы; прохожих, впрочем, все равно было мало, ну или просто не замечал их, полностью поглощенный – вот вспомнить бы, кем.

Но вспомнить никогда не удавалось. И сегодня не удалось.

В юности очень сердился – на дырявую память, на зыбкость ускользающего сновидения и на неведомый объект своей влюбленности – к чему такая таинственность? Вот не увижу тебя больше во сне, ни за что, никогда, посмотрю, как ты тогда запоешь!

Злиться, конечно, давно уже перестал. Когда так сильно любишь, соглашаешься на любые условия. Зачем-то надо, чтобы я тебя не помнил? Ладно, как скажешь, пусть будет так, только снись, пожалуйста, почаще. Потому что без снов о любви к тебе в моем существовании станет гораздо меньше смысла. А резко уменьшать дозу смысла опасно для жизни, особенно такой бестолковой, как моя, проживаемой кое-как, не начерно даже, наметками и набросками, как записывают на рекламной листовке план будущего романа, вдохновенно

сочиненного в дружеской беседе, о котором заранее известно, что никто из участников разговора никогда не станет над ним трудиться, и бумажка с неразборчивыми записями упокоится в ближайшей урне задолго до того, как трижды пропоет петух.

...Всякий раз после этих снов о любви в городе с золочеными крышами был по утрам сам не свой. Хотелось летать, ругаться, выскочить на улицу и хоть кого-нибудь поцеловать, запереться в кладовке и больше никогда не выходить на свет, смеяться от счастья, которого, строго говоря, не случилось, и плакать. Плакать – больше всего, причем не пустить со скорбным достоинством скупую слезу, а рыдать громко, самозабвенно, навзрыд, как в детстве после большого праздника или похода в луна-парк, не от усталости даже, а от избытка впечатлений и чувств, которые натурально рвут сердце на части, просто не помещаются в нем, но и не уходят никуда, выкручивайся как хочешь. Пореветь всегда помогало, жаль, с возрастом разучился, теперь непонятно даже как запускать этот процесс.

Поэтому вместо слез будет кофе, горький, как всякое пробуждение, если кинуть в него пару кристаллов морской соли, вкус почти не изменится, но это неважно, главное, ты знаешь, что кофе у тебя со слезой – ладно, с двумя слезами на большую кружку, хорошая пропорция, доброе утро, невыносимый ты тип, рева-корова, просыпайся уже, эй! Незачем потерянно оглядываться по сторонам, этим утром некому тебя обнимать, а когда бывало иначе, ты сам отстранялся, ощущая себя не живым человеком, а первым декабрьским днем, холодным и темным. Вот и ощущай на здоровье, только не стой при этом столбом, отправляйся в душ, тебе надо, как минимум, успеть на почту. Четыре посылки следовало отправить еще вчера, но кое-кто протупил за работой до ночи, а сегодня суббота, короткий день, даже центральное отделение только до двух, а ты дрых почти до одиннадцати. Это только кажется, будто три часа – очень много, на самом деле, почти ничего.

И даже не надейся отсидеться дома под предлогом обещанного прогнозом дождя. Человек – царь природы и венец творения, ему есть, что противопоставить беспощадной стихии. Например, зонт. Прекрасный, полезный предмет, без пяти минут волшебный жезл, к сожалению, словно бы специально созданный для того, чтобы всегда оставаться забытым в прихожей, на заднем сидении автомобиля, в автобусе, в кафе; забыть зонт можно абсолютно где угодно, это очень легко, даже руками ничего делать не надо – раз, и его у тебя уже нет.

И ведь действительно забыл. После всех этих рассуждений вышел из дома без зонта, как последний дурак.

Возвращаться, конечно, поленился. Махнуть рукой на дождь, который еще не начался, а только был предсказан синоптиками, проще, чем подниматься на пятый этаж.

Шел через Ужупис по улице Полоцко, с востока на запад. Навстречу, с запада на восток, неспешно ползла туча, свинцово-синяя, сияющая, неотвратимая. Всю дорогу прикидывал, где можно будет быстро спрятаться от грядущего ливня. Вон в том дворе, в беседке, или в этом на крыльце под навесом, а дальше через дорогу парикмахерская, и в случае чего...

Но успел пройти мимо беседки, мимо крыльца с навесом и мимо парикмахерской, свернуть в арку с порыжевшим от ржавчины трубящим ангелом, спуститься по лестнице к Художественной Академии, перейти мост, по диагонали пересечь Бернардинский сад, и только когда вышел из него на углу улиц Майронё и Барборы Радвилайте, туче надоело держать драматическую паузу, и на город обрушился – ладно бы, просто дождь, ладно бы ливень – какой-то вертикальный океан. К тому же штормящий. Спасибо, что без акул.

Ну, по крайней мере, можно не особо сожалеть о забытом дома зонте. Зонтом такой беде не помочь, если только он не четырех хотя бы метров в диаметре, как в уличных кафе – вот например, совсем рядом с выходом из парка, возле кафе «Strange Love». Надо же, еще несколько дней назад водил сюда дорогого гостя из далеких краев дегустировать кофе, приготовленный новомодным способом «кемекс»⁹ - Кемекс (chemex) – стеклянная колба, по форме напоминающая песочные часы, и одновременно способ приготовления кофе в этом сосуде. Название происходит от английского слова «химия» – chemistry. При приготовлении кофе в верхнюю часть сосуда вставляется фильтр, на который высыпается кофе крупного помола. Бариста медленно льет на кофе горячую воду из специального чайника с длинным носиком, заваренный кофе постепенно проливается через фильтр в колбу. При использовании такого метода кофе сравнительно долго контактирует с кислородом, что позволяет смягчить его вкус. Кемекс изобрел в середине двадцатого века американский химик Петер Шлюмбом, а активно использовать его начали только 50 лет спустя.

Некоторые называют кемекс кофейным декантером (по аналогии с винным), считая, что соприкосновение с кислородом обогащает и раскрывает кофе.], и никаких зонтов на улице не было, а тут вдруг поставили, желтый, как цветок подсолнуха, с рекламой нового сорта пива; кстати, именно это пробовал, редкостная дрянь.

Но сейчас-то какая разница.

Когда на человека выливают всю воду мира разом, человек способен на многое. Например, преодолеть десяток метров практически одним прыжком. Все равно вымок, конечно. До нитки. Но не до костей. Уже хорошо.

Оказавшись под зонтом, отдышался. Потом огляделся, оценивая обстановку. Отличная, надо сказать, обстановка. Не только зонт, но и белый пластиковый стол, и такие же кресла, целых четыре штуки. Можно переждать ливень с комфортом.

Два кресла уже были заняты опередившими его товарищами по несчастью. Ну или наоборот, по чудесному спасению, это с какой стороны посмотреть.

Сказал им:

– Здравствуйте.

Лысый старик в зеркальных солнцезащитных очках и пиджаке, давно утратившем цвет и форму, не то кивнул в ответ, не то просто потупился, как мальчишка, вынужденный знакомиться с посторонними взрослыми. Невольно последовав за его взглядом, обнаружил, что в ногах у старика стоит ведро с розовыми флоксами, связанными в тощенькие букеты. Обычно такими торгуют смурные похмельные тетки средних лет и аккуратные старушки с жадными, просящими глазами, а тут, гляди-ка, дед-цветочник. Элиз Дулиттл. Чего только не бывает.

– Добрый день, – вежливо ответила женщина средних лет, холеная, отлично подстриженная, однако облаченная в простецкий камуфляжный комбинезон. Жесткая линия рта, спокойный внимательный взгляд. Непростая такая тетка.

Амазонка.

– У вас случайно нет зажигалки? – спросила она, выразительно взмахнув в воздухе невыносимо пижонской сигаретой. Черной с золотым фильтром. «Sobranie» или как их там.

Достал зажигалку, защелкал, пытаюсь прикрыться от ветра – интересно, как это сделать, когда ветер дует со всех сторон сразу? Амазонка нетерпеливо протянула руку: «Я сама», – не сказала, но вполне ясно выразила жестом. И прикурила с первой же попытки. Высокий класс.

Пока прятал зажигалку в карман, под зонт влетела толстая девица, закутанная в целый ворох черных тряпок, мокрых, разумеется, каких же еще. Волосы у девицы тоже были черные, явно крашенные – с учетом белейшей кожи и россыпи мелких веснушек на круглом простодушном лице, измазанном сейчас обильными потоками туши, смытой с рыжеватых ресниц немилосердным дождем. Ужас, летящий на крыльях ночи, адская плюшка тьмы, бедный ребенок. Вероятно в мире есть зрелища более душераздирающие, чем промокшая насквозь толстушка, одетая по готской моде, но их явно немного. И созерцать их доводится далеко не каждый день.

– Извините, – сказала она, залившись от смущения почти неестественно ярким румянцем. – Там так льет!

– Все в порядке, – улыбнулась ей женщина-амазонка. – Это же не наш личный зонт, а общественный. Очень вовремя его поставили. Еще вчера ничего тут не было. Нам фантастически повезло.

Барышня-адская плюшка улыбнулась, обрадованная приветливым приемом. И сразу стало заметно, насколько она юная. Скорее всего, еще школьница.

Амазонка протянула ей пачку бумажных салфеток. Молча, но так выразительно, что девица сразу все поняла и принялась вытирать перепачканное тушью лицо. Кое-как привела себя в порядок, уселась на стул, достала из кармана телефон, уткнулась носом в экран и, можно сказать, исчезла, провалившись не то в фейсбук, не то в какую-нибудь игрушку, кто ее разберет.

Занял оставшийся стул, посмотрел на часы. Двенадцать пятьдесят шесть. Когда так сильно льет, это обычно ненадолго, шансы успеть на почту пока неплохие, до центрального отделения на проспекте Гедиминаса отсюда минут пятнадцать. Даже в десять можно уложиться, если как следует поспешить.

Глаза почему-то закрывались, хотя вроде выспался, и кофе выпил достаточно. Наверное, из-за погоды. Никогда не знал, какое у него давление, и есть ли оно вообще, но обычно в дождливую погоду спать хочется целый день, это факт. В слишком солнечную, впрочем, тоже хочется. И зимой, когда крепчает мороз. И в оттепель заодно. Зевнул, подумал: «Да я просто засоня, давление тут ни при чем».

Вроде не спал, просто сидел, кое-как угревшись в отсыревшей одежде, неподвижно, ни о чем особенно не думая, уставившись на каким-то чудом оставшийся сухим асфальт у себя под ногами, но вздрогнул от неожиданности, когда женский голос произнес над самым ухом:

- Надо же, уже половина третьего, а все льет и льет.

Как - половина третьего?! Буквально только что было... Или не только что? Получается, все-таки уснул среди бела дня, в мокрой одежде, сидя на стуле под желтым зонтом кафе, терзаемый всеми ветрами, под шум, нет, под грохот дождя, под его вездесущие брызги, веселые и не по-июльски холодные. И с почтой ничего не вышло, с тем же успехом мог оставаться дома до вечера. Обидно.

Женщина в камуфляже сама выглядела растерянной и сонной. Черная адская плюшка горбилась над телефоном, старик-цветочник Элиз Дулиттл сидел, откинувшись на спинку стула и задрал голову вверх; спят они или бодрствуют, поди пойми.

Женщина-амазонка достала из сумки большую зеленую термокружку, сделала несколько жадных глотков и вдруг протянула ему:

- Там кофе, еще горячий.

Дураком надо быть, чтобы отказываться от такого предложения.

Пока пил, она выложила на стол пригоршню конфет «Рафаэлло» в полупрозрачных белых обертках. Сказала присутствующим:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – смущенным дуэтом откликнулись те, но к конфетам не прикоснулись. Девица по-прежнему пялилась в экран телефона, а старик неуверенно протянул руку куда-то в сторону, но тут же снова положил ее на колени.

Только теперь заметил, что к стулу Элиза Дулиттла прислонена белая трость, с какими обычно ходят слепые.

Амазонка, похоже, тоже только сейчас увидела трость. Губы ее дернулись, словно хотела сказать себе: «Вот дура!» – но тут же снова сложились в приветливую улыбку. Она вложила одну конфету в ладонь старика, вторую – на колени юной избранницы зла. Объявила весело и строго, как учительница, призывающая учеников отложить в сторону учебники и сплясать:

– Сухой паек для жертв всемирного потопа. Обязательно надо съесть!

Отдал ей кружку. Сказал:

– Просто чудо какое-то это ваше внезапное угощение.

Она энергично кивнула.

– Я бы на вашем месте сама удивилась такому приятному повороту. Но я – на своем. И прекрасно знаю, откуда что взялось. Не чудо господне, а просто мои дорожные припасы. Это я так интересно к морю стартовала: через центр, чтобы купить всякую всячину и заодно запастись приличным кофе в дорогу, на бензоколонках все-таки страшная бурда. И надо же было так застрять! Я тут, а машина аж за рекой, на бесплатной стоянке, между нами – полтора километра дождя.

Адская плюшка меж тем проглотила угощение и застыла с деланно равнодушным видом, стараясь не коситься на оставшиеся конфеты. А старик-

цветочник все еще разворачивал обертку, медленно и аккуратно, словно она была ценностью, которую непременно надо сохранить. Наконец справился и осторожно положил белый шарик, обсыпанный кокосовой стружкой, в рот. Некоторое время прислушивался к ощущениям, потом расплылся в улыбке.

– Я такие у внучки на дне рождения ел. Очень вкусно!

– Значит, надо повторить, – решительно сказала женщина-амазонка. И вложила в его руки еще одну конфету. И толстухе выдала. И вдруг заговорщически подмигнула – дескать, ну хоть тебя-то не надо уговаривать, правда?

Правда. Взял конфету и съел. Спросил свою благодетельницу:

– А почему вы не вызвали такси? Ну, чтобы отсюда до машины...

Она ответила ему растерянным взглядом.

– Слушайте, просто не сообразила. А ведь точно! Вот что значит всегда сама за рулем, отвыкла уже от идеи, что кто-то другой может меня куда-нибудь отвезти.

Дозвониться в такси оказалось практически невыполнимой миссией. Женщина-амазонка снова и снова нажимала кнопку своего телефона, кривилась:

«Занято», – и начинала сначала. Неудивительно, можно вообразить, какая толпа народу пытается сейчас добраться до дома, не одни мы такие умные, увы. Решил прийти ей на помощь, стал набирать все хранившиеся в телефонной памяти номера такси, по очереди. Бесполезно: короткие гудки, снова короткие гудки, наконец у аппарата сдали нервы, и на все попытки дозвониться он стал отвечать гробовым молчанием – да что с ним такое?

Никогда не умел чинить приборы, но одно золотое правило все же знал: когда что-то не работает, попробуй его выключить, а потом включить снова.

Это помогает примерно в половине случаев. Но, к сожалению, не на этот раз. Ну то есть как – телефон благополучно включился, но значок в левом верхнем углу экрана, демонстрирующий качество связи, отсутствовал вовсе.

А при попытке набрать номер, появлялась угрожающая надпись: «Только SOS».

Растерянно констатировал:

– Похоже, нет связи.

– И у меня уже нет, – кивнула амазонка. – Сперва у них хотя бы просто занято было, а теперь совсем кирдык. У вас какой оператор? Случайно не Omnitel?

Отрицательно помотал головой.

– Bite. Как это они дружно, а.

– И интернета тоже нет, – неожиданно сообщила барышня в черном. Вид у нее был совершенно потерянный.

Предположил:

– Из-за дождя, наверное. Замкнуло у них там что-нибудь, у всех сразу. Или наоборот разомкнуло. Техника часто выходит из строя из-за погоды.

– Три года назад летом так же лило, даже хуже, громче шумело, – вдруг сказал старик-цветочник. – У моего соседа тогда машину затопило. Выше дверцы вода поднялась. Он до сих пор со страховкой воюет, хочет деньги за ремонт получить. А у них это называется «форс-мажор» – раз, и никто никому ничего уже не должен. Хитро придумали! Но телефоны тогда работали, я точно помню. Мне внучка несколько раз звонила, беспокоилась.

Подумал: «Надо же, а я совершенно не помню того потопа, хотя вроде все лето двенадцатого в городе просидел. Как же быстро все забывается. Не только сны».

Амазонка достала из пачки очередную черную сигарету. И вдруг спросила:

– Слушайте, а вам не кажется, что там, через дорогу все стало как-то не так?

– Как – «не так»?

Впрочем, тут же сам понял, о чем она говорит. Куда-то подевалась афишная тумба, всегда стоявшая возле «зебры» пешеходного перехода, почти на самом углу Майронё и Барборы Радвилайте. Что в общем не так уж удивительно, все афишные тумбы рано или поздно убирают или переносят на другое место. А вот дом...

– Этот угловой дом на моей памяти всегда был светло-коричневый. И как минимум трехэтажный, – сказала женщина в камуфляже. – Скорее даже четырех, точно не помню; факт, что довольно высокий. Не такой приземистый, голову на отсечение даю! И уж точно не красный.

– Слушайте, а ведь да. Если бы вы не сказали, я бы не обратил внимания. Когда смотришь сквозь такую стену воды...

– Все что угодно можно объявить оптическим обманом и успокоиться, – кивнула она. – Я и сама сперва так решила. Если бы у меня была с собой читалка, или хоть пара игрушек в телефоне, даже думать об этом не стала бы. Но читалка осталась в багажнике, а игрушки я как раз недавно снесла, все до единой, когда поняла, что голове они совсем не на пользу. Поневоле приходится смотреть по сторонам и размышлять об увиденном, других-то развлечений нет. Так вот, этот дурацкий дом. Что с ним стряслось? Цвет – ладно, предположим, дождь, освещение, с утра перекрасили, чего только не бывает. Но исчезновение как минимум двух этажей никаким дождем не объяснишь.

– Про дом ничего сказать не могу, – вмешался старик-цветочник. – Я его не вижу. Но слышу я, слава богу, хорошо. И теперь не могу понять, почему все машины стоят?

– А разве они стоят? – переспросили растерянным хором.

Даже удрученная разлукой с интернетом барышня оставила тщетные попытки восстановить пропавшую связь и уставилась на проезжую часть. Никаких машин там не было, не ехало и даже не стояло, то есть, вообще ни одной, даже платная парковка, в выходные всегда забитая под завязку, была сейчас совершенно пуста. Куда все подевались?

– Машины не то чтобы стоят, – наконец сказала старику женщина-амазонка. – Их вообще нет! И это совсем странно. В центре, в субботу, тем более, в такой дождь...

– А. Значит, поэтому шума от них не слышно, – кивнул старик.

Он явно обрадовался. Это можно понять. Когда ничего не видишь, очень страшно обнаружить, что теперь еще и глухнуть начал. Так и чокнуться недолго.

Подумал: «На его месте я бы и без всякой глухоты уже давным-давно чокнулся».

Всегда боялся потерять зрение – без каких-то особых причин, просто в детстве, классе, кажется, в третьем поставил эксперимент, попробовал провести день с завязанными глазами. Исследовательского азарта хватило всего на час, потом избавился от повязки. Но состояние охватившей его тогда полной беспомощности запомнил навсегда. Внезапно оказалось, что жизнь почти целиком состоит из того, что видишь, остальные впечатления не так уж важны. И крошечная царапина в воображении становится огромной раной, и привычный уличный шум за окном кажется угрожающим, и даже вкус почти пропадает, если не видишь, что именно ешь. А когда заходишь в ванную, не включив там свет, вдруг выясняется, что темнота ощущается буквально кожей, и как же страшно стало тогда в этой двойной темноте! Походом в ванную эксперимент, собственно, и завершился. И даже не стыдил себя, что не продержался хотя бы до возвращения родителей. Есть вещи, которых лучше не делать, сколько бы народу ни записало тебя за это в трусы и слабаки. А тогда и записывать было некому, никто же не знал.

...– Этот чертов дом через дорогу уже не красный, а почти белый, – растерянно сказала амазонка. – И снова высокий, даже выше, чем был. И посмотрите, какие там башенки, такие только в мультфильмах пририсовывают к королевским дворцам. В Вильнюсе ничего подобного отродясь не строили. И, по-моему, вообще нигде. Уму непостижимо. Вы это тоже видите? Или все-таки чокнулась я одна?

– Да-а-а, башенки, – тоненьким голосом повторила девица в черном. Лицо у ней сейчас было совершенно пятилетнее. Гладкое, щекастое, с круглыми глазами и удивленно распахнутым ртом.

Амазонка адресовала ему вопросительный взгляд: ты тоже видишь?

Кивнул:

– Если чокнулись, то все вместе. Но скорее всего, мы сейчас просто наблюдаем какое-нибудь редкое неизученное природное явление. Миражами в пустыне никого не удивишь, а про дожди с миражами лично я никогда не слышал. Но я о многом никогда не слышал, это точно не показатель.

– Нннуу... Может быть, – согласилась амазонка. – Я мало помню о природе миражей, но вроде бы там все дело в большой разнице температур в разных слоях атмосферы и каком-то особом преломлении света. А в такой дождь... Ну ладно, предположим. Вполне может быть, что со слоями атмосферы сейчас творится что-то неладное. Вариант.

– Миражи – это самая настоящая магия! – неожиданно встряла толстуха. Нижняя губа ее предательски дрожала, выдавая желание зареветь от избытка противоречивых чувств, но светлые зеленоватые глаза полыхали вдохновенным огнем, а подбородок упрямо выдвинулся вперед.

– Фата-моргану до сих пор никакие ученые объяснить не могут, – сказала она. – Только придумывают разные версии, но ни одна пока не доказана. Ни одна! Я очень много об этом читала и фильмы смотрела. Все, что смогла найти.

Понял вдруг, из какого прекрасного теста слепили эту смешную плюшку. Подумал: как же тебя угораздило, детка, родиться здесь и сейчас с таким вдохновенным взором, с буйным воображением, с сердцем, готовым безоглядно раскрыться всем наспех выдуманном тайнам Вселенной, в несуразном большом рыхлом теле, совершенно не соответствующем нынешним стандартам – не то что красоты, но даже самой дальней границы приемлемой нормы. Поэтому твой восхитительный энтузиазм всегда будет казаться смешным, а тяга к чудесному нелепой. Разговоры о необычных вещах к лицу худым длинноногим красоткам с тонкими запястьями, с гладкими волосами ниже лопаток, а тебя и слушать не станут, бедняга. Даже я, скорее всего, не стану, вернее, не стал бы – всего минуту назад. Господи, о чем ты вообще думал, когда раздавал неприкаянным душам человеческие тела? Нельзя так жестоко шутить, особенно над девчонками, им и без того непросто живется, а мечтательным вдохновенным толстухам – стократно трудней, чем всем остальным.

Девушка в черном адресовала ему укоризненный взгляд, в котором явно читалось: «Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Не надо меня жалеть».

Но вслух сказала совсем другое.

– Миражи Ар-Мутарха обычно возникают на рассвете и являются только тем, кто бодрствовал всю ночь; они несут утешение, но не изменяют судьбу. Миражи Ходай-Ю-Ба можно увидеть только в городе, которому не меньше трехсот лет, в самых старых его районах; они нужны, чтобы приукрашивать действительность. Миражи Ту-Юлайфа предсказывают будущее, причем обычно чужое; при виде их человек ощущает сильную тревогу, даже когда представшее ему зрелище само по себе отрадно. Миражи Отаера наблюдаются только в зимнее время на морских побережьях, они предназначены для птиц, а люди, случайно ставшие их свидетелями, даже не понимают, что увидели нечто особенное...

Женщина-амазонка адресовала ему встревоженный взгляд: что она несет? Ты вообще понимаешь, что происходит?

Отрицательно покачал головой: конечно не понимаю. Куда уж мне.

Слепой Элиз Дулиттл молчал и мечтательно улыбался, но его поза выдавала внутреннее напряжение. То ли старался запомнить получше, то ли просто силился вообразить все эти зрелища, недоступные его мертвым глазам.

– Миражи Одабу имеют человеческую форму и любят подолгу беседовать с теми, кому примерещились, – говорила толстуха. – Они дружелюбны, а все же вреда от подобных встреч больше, чем пользы, потому что их болтовня ничего не объясняет, но остается в памяти до конца жизни. Очень хочется отыскать в ней какой-нибудь тайный смысл, но его никогда нет. Хуже только миражи Агалана-Та, которые обычно возникают перед учеными, подсказывают им неверное решение трудных задач и надолго сбивают с толку. Еще есть миражи Яй-Улота, они столь яркие, что их видят даже с закрытыми глазами, а миражи Дето-Уяна всегда сопровождаются необычным шумом, таким громким, что на само зрелище мало кто обращает внимание; поэтому Яй-Улота в народе называют «нахальными миражами», а Дето-Уяна – «застенчивыми»...

– Я такой видел! – внезапно воскликнул старик.

Спросили хором:

– Какой – такой?

– «Нахальный», – объяснил он. – Огромный такой корабль с парусами! Прошлым летом. Меня внучка в Ниду возила, на своей машине. Я там с утра до вечера на пляже сидел, грелся, слушал море. Хорошо было. И однажды я увидел корабль, такой большой, что мачты доставали до облаков. Так-то я почти ничего не вижу, только день от ночи отличаю и еще иногда могу определить, какого что цвета. И тут вдруг этот корабль! Я сперва подумал, вылезился, теперь буду все видеть. Но нет, корабль уплыл, и опять стало как раньше. Никому не рассказывал, даже внучке, думал, испугается: «Рехнулся дед». А это оказывается такой специальный «нахальный мираж», даже известный науке. Корабля все-таки не было, но и я не рехнулся. Хорошо!

Ну, положим, насчет известности и науки есть некоторые сомнения. Девица, похоже, просто шпарит, что в голову взбредет. Но говорить это вслух, конечно, не стал. Зачем огорчать двух человек сразу.

Женщина-амазонка, наверное, думала примерно о том же. Усилием воли сменила скептическое выражение лица на заинтересованное, спросила:

– А какие еще бывают миражи?

– Миражи Ара-Тутха, которые всегда белого цвета, – снова принялась перечислять девица. – Миражи Увернай, предназначенные только для детей, взрослые их не видят, и от этого случается множество недоразумений в семьях, когда родители думают, будто дети им врут. Северные миражи Отаун-Я всегда появляются на исходе долгой зимы и похожи на бескрайние поля цветов. Миражи Шам-Кудрана добры и надежны; если наивный свидетель поверит такому миру и войдет в него, Шам-Кудрана будет сохранять форму сколько угодно долго, лишь бы не испугать вошедшего и не разочаровать. Миражи Уулай возникают только при очень сильном ветре и вид всегда имеют пугающий...

Совершенно не хотел снова ее перебивать, но как-то почти помимо воли спросил:

- А что насчет миражей, которые появляются в дождь? Бывают такие?

- Не знаю, - беспечно ответствовала толстая девица. - Этого мы пока не придумали.

- Не придумали?

- Не успели, - кивнула она.

И вдруг запоздало смутилась, осознав, видимо, что выступила с лекцией перед посторонними взрослыми людьми. И сделала это вовсе не в мечтах. Не в пылком своем воображении, не в фантазиях. А взяла и все рассказала. Громко и четко, вслух.

Покраснела так, что нежный румянец стал похож на опасный ожог. Огляделась, явно прикидывая, не лучше ли выскочить из-под тента и убежать, но дождь по-прежнему не просто лил, а стоял стеной. Пересилила себя, сказала:

- Просто мы книжку пишем про волшебные миражи. С... с братом.

На последнем слове голос ее так дрогнул, что сразу стало ясно: никакого брата нет и в помине. Только в фантазиях. Причем брат скорее всего двоюродный, чтобы мог при случае, если вдруг очень понадобится, оказаться еще и женихом. Мечтать-то не запретишь.

Ну или нет. Глупо все-таки за других додумывать, руководствуясь исключительно собственными представлениями о том, что должно твориться у людей в головах.

- Ну вы с братом даете! - восхитилась женщина-амазонка. - Просто юные Борхесы какие-то. Но Борхес был одинок, а вас двое. Вам веселей.

- Да, - пылко кивнула толстуха. - Нам друг с другом очень повезло!

– А вы можете записать мне на бумажке, как они все называются? – внезапно спросил старик-цветочник.

– Кто – все?

– Ваши миражи. Я бы внучке про них рассказал. У нас с ней договор: встречаемся по воскресеньям, и я рассказываю шесть сказок, за каждый день недели, пока не виделись, а потом седьмую – большую воскресную. Очень трудно бывает так много нового сочинить. А тут я ей перескажу ваши истории, как получится, а потом дам бумажку: «Видишь, специально для тебя записали имена миражей». Вот она обрадуется!

Интересная внучка у него получается. То на машине к морю возит, то сказки ей подавай. Впрочем, чего это я, внучек может быть несколько. Скорее всего, так и есть.

– Я бы вам все написала, но у меня нет бумаги и ручки, – огорченно сказала повелительница вымышленных миражей.

– Ну вот тут-то я вам и пригожусь.

Достал из рюкзака ручку и специальный блокнот с легко отрывающимися страницами, для раздергивания на записки самое то. Вырвал сразу несколько, вручил толстухе. Та снова отчаянно покраснела, от смущения поперхнулась благодарственными словами и принялась строчить.

– А теперь вовсе нет никакого дома. Ни красного, ни белого, ни низкого, ни высокого, – флегматично заметила женщина-амазонка.

Губы ее иронично кривились – дескать, вот какие забавные штуки порой случаются с нами, взрослыми, серьезными, психически нормальными, кто бы сомневался, людьми. А глаза она отвела, опасаясь, вероятно, что испуганный взгляд выдаст ее с головой.

Дождь стоял такой плотной стеной, что разглядеть перемены, произошедшие на другой стороне улицы, толком не удавалось. Вроде бы, действительно,

больше никаких зданий, только деревья. Высокие, с пышными зелеными кронами. А вот разобрать, сколько их там – несколько штук, целый парк или вообще лес – уже не удавалось.

Подумав о парке, обернулся – интересно, хотя бы ворота Бернардинского сада на месте?

Ага, держи карман шире. Шиш тебе, а не ворота. Площадь какая-то там теперь. С фонтаном, что в такой ливень особенно актуально.

Мираж, конечно. Что же еще.

Ну, правда кафе «Strange Love» никуда не делось. Надо же, какой стойкий оказался объект. Просто теперь оно лепилось к площади, а не к окружающей сад стене. Но на дизайне и названии это совершенно не отразилось.

Сказал:

– Шутки шутками, но иначе как миражами это пожалуй действительно не объяснишь. Разница температур, преломление света – вот и хорошо, пусть себе преломляется на здоровье. Всяко лучше, чем наспех придумывать внезапные испытания какого-нибудь галлюциногена массового поражения, удачно растворяющегося дождевой водой. Или что мы вообще умерли и сидим тут в очереди в рай, как в общественную поликлинику.

– Вы тоже так подумали? – удивилась амазонка.

– Естественно. Все мы воспитаны примерно на одних и тех же книжках и фильмах. И когда что-то идет не так, сразу спрашиваем себя: «А не умер ли я часом? Это бы многое объяснило». Но я, честно говоря, думаю, смерть – такое событие, которое сложно не заметить.

– Ну здрастье. А если во сне?

Вздыхнул:

– Ну разве что во сне.

– Моя внучка... – подал голос старик-цветочник. Осекся, поспешно добавил, словно бы перебив сам себя: – Внучка не раз говорила, что если уж умирать, так лучше во сне, чтобы не успеть испугаться. А то как-то глупо получится – прожить хорошую интересную жизнь и закончить ее таким сильным страхом, от которого даже себя забываешь. Тогда получится, что все остальное насмарку. Не считается, не имеет цены, зачем оно нужно, если в самом конце не будет ничего, кроме страха. Поэтому лучше всего умереть во сне, она так решила, и все получилось... Ну, то есть обязательно получится, когда она станет старой, внучка у меня молодец.

Вот оно значит как.

– И дождь все не прекращается, – вздохнула женщина-амазонка. – Еще немного, и я забуду, что бывает просто нормальная человеческая жизнь, без миражей и дождя.

– Я записала, – наконец сказала толстуха.

Отдала исписанные листочки старику, а ручку машинально сунула в карман своего черного балахона. Не стал напоминать, что ручка на самом деле его. Ясно уже, что бедняжка смутится так, словно ее застучали на попытке вынести кило леденцов из сиротского дома. Еще чего доброго убежит потом в дождь от стыда. С пылкими юными барышнями надо быть очень осторожным, потому что страдать, переживать и терзаться они уже научились, а просто жить – еще нет.

– Ну вот и миражи прошли, – будничным тоном заметила она, оглядевшись по сторонам. – Дом выглядит как положено. И вообще все.

Это было, скажем так, некоторое преувеличение. Лесопарк и площадь с фонтаном к тому времени и правда исчезли, но высоченный, никак не меньше девяти этажей дом из темного, почти черного камня, возникший на углу Майронё и Барборы Радвилайте, совершенно не походил на коричневый трехэтажный, который стоял здесь всегда. И широкий проспект с магазинами и кафе на месте Бернардинского сада тоже был не совсем уместен. То есть ладно, пусть будет, если уж появился, никаких возражений, но не пытайтесь меня убедить, будто это и есть «как положено». Кто бы его ни положил.

Со стороны проспекта к ним стремительно приближался человек – ну наконец-то, хоть кто-то живой и антропоморфный, а то посидишь так под этим тентом, в окружении стены дождя еще пару часов, или лет и окончательно разуверишься в существовании рода человеческого. Откуда бы здесь взяться еще каким-то людям? Нет их больше. И не было никогда.

Но высокий человек в длинном черном плаще, с огромным, примерно полутора метров в диаметре черным зонтом, приближавшийся к ним со стороны невесты откуда взявшегося проспекта, явно не испытывал ни малейших сомнений в собственном существовании. Очень уж бодро, почти вприпрыжку шел он по лужам и очень уж весело улыбался им, всем сразу. И приветливо махал рукой.

– Рыжик! – закричал он издалека. – Держись, спасение близко! Я принес тебе зонт!

Толстуха подскочила, уронив стул, на котором сидела, счастье еще, что выстоял одноногий тент. Тоже замахала руками, заорала что-то – видимо, имя. Разобрать в любом случае было невозможно. Но ясно, что много раз повторяется «а».

– Брат за мной пришел! – гордо объявила она.

– А как же он узнал, куда идти? – удивилась женщина-амазонка. – Связи-то нет.

– Ну так это сейчас не стало, а сначала была. Я ему сразу написала, похвасталась, как удачно спряталась от дождя под тентом возле кафе «Strange Love». Не просила спасать, но сами видите, брат все равно тут как тут, с самым большим в мире зонтом!

Согласился:

– Да, зонт у него – это нечто. Сам бы такой хотел.

– Спасибо! – сказала толстуха всем сразу. – Хорошего дня! Надеюсь, дождь скоро все-таки закончится. Или за вами тоже кто-нибудь придет.

Вот не факт, что это – доброе пророчество. Совершенно не факт.

Смотрел вслед удаляющейся парочке в черном, под черным огромным зонтом – хороши! Так-то мужчина, пожалуй, слишком высок и костляв, а барышня все-таки чересчур толста, но нельзя не признать, что в качестве черного силуэта, неспешно удаляющегося по пустынному проспекту, постепенно тающего в немилосердных потоках небесной воды, они прекрасны и совершенны. Была бы ручка, зарисовал бы, но ручка, увы, удалялась сейчас от хозяина в кармане повелительницы миражей, адской плюшки, застенчивой и рассеянной. Ладно, черт с ней, пусть уносит, не гнаться же за ними теперь под дождем по проспекту, возникшему неизвестно откуда на месте Бернардинского сада.

Все это как-то даже смешно.

– Все это как-то даже смешно, – мрачно сказала женщина-амазонка. И, помолчав, добавила: – Теперь вместо этого высоченного черного гроба на углу красуется особнячок в стиле рококо. Не угодно ли полюбоваться, пока не исчез?

Полюбовался. Не совсем рококо и даже не то чтобы особняк. Но да, розовый двухэтажный дом с белыми колоннами, довольно вычурный.

– У меня там внучка живет, – сказал старик-цветочник.

Уставились на него во все глаза. Удивительно было даже не то, что внучка у человека живет в невесть откуда взявшемся розовом доме с колоннами, подумаешь внучка, какая вообще может быть внучка, когда слепой старик сдвигает на лоб темные зеркальные очки, только что закрывавшие его невидящие глаза, и внимательно разглядывает улицу, отделенную от него сплошной стеной дождя.

– Я все думаю заходить к ней или нет? – вздохнул старик. – Вообще-то: внучка всегда мне рада. Но вот так, не позвонив, не предупредив... Как думаете?

Что тут ответишь. Но женщина-амазонка решительно сказала:

– Так вы же не по своей вине не можете позвонить. Просто телефоны из-за дождя не работают. Это называется форс-мажор, как у вашего соседа с машиной. Обстоятельства непреодолимой силы. Если бы у меня в соседнем доме кто-нибудь близкий жил, ввалилась бы, не раздумывая. И пусть бежит

за одеялом и греет вино. Пусть спасает, это очень приятная роль – спасать.

– Ну вот и я так подумал, – улыбнулся старик-цветочник Элиз Дулиттл. – Я, конечно, совсем промокну, пока добегу, но там найдется, во что переодеться. И вино, наверное, есть. И... И вообще.

Не договорив, он поднялся, подхватил ведро с флоксами и, вдохнув поглубже, как ныряльщик перед погружением, выскочил под дождь.

А белая трость так и осталась, прислоненная к стулу.

– Знаете что? – сказала женщина-амазонка. – Мы с вами не будем об этом говорить, ладно? Потому что если заговорим, мне придется начать думать. А к этому я пока не готова. Только не сейчас.

Усмехнулся:

– Да и я не то чтобы готов. Но наш дед добежал до подъезда и уже вошел – вот это факт. А все остальное от лукавого. Если можно, дайте мне сигарету. Я свои дома оставил, думал ненадолго выхожу.

– Все мы так думали, – кивнула она, протягивая черную сигарету.

Крепкая оказалась – жуть. Даже забыл, что дым может так драть горло. Но все к лучшему. Такие вещи отлично отвлекают от мыслей, которым в голове лучше бы пока не сновать. Толку от них никакого, одно беспокойство.

– На худой конец всегда можно решить, что это мне просто снится, – сказала женщина-амазонка после того, как розовый особняк с колоннами уступил место обычной панельной девятиэтажке, в центре города совершенно неуместной. – Даже удивительно, что я так долго тянула. Сразу надо было себе так сказать.

Улыбнулся:

– Если так, значит я – просто ваш сон. Какое облегчение! Вообще никакой ответственности.

Женщина адресовала ему изумленный взгляд; секунду спустя, оба хохотали, да так, что он начал сползать со стула, действительно чуть не упал, с трудом удержался, да и то только потому, что сумел взять себя в руки и как-то обуздать неконтролируемый смех. Не то чтобы сразу успокоился, но какое-то время спустя это все-таки удалось.

Пока смеялись, панельная девятиэтажка благополучно канула в Лету, на ее месте возникло сразу несколько домов, довольно высоких, узких, стоящих на небольшом расстоянии друг от друга и соединенных между собой на некоторых этажах аккуратными застекленными переходами. Один красный дом, один черный, два синих, два белых. Интересное архитектурное решение, этакий оммаж Мондриану, никогда ничего подобного не видел.

– В жизни ничего подобного не видела, – сказала женщина-амазонка. – Прямо какой-то Мондриан.

– Мысли мои читаете.

– Если вы мой сон, это совсем несложно. А если нет... Все равно не особо удивительно – на фоне всего остального.

Да не то слово.

– Я вот сижу и думаю – интересно, в какой момент мне захочется выскочить под дождь? – вдруг сказала женщина-амазонка. – Какое здание будет стоять тогда на углу Майронё и Радвилайте? Что окажется на месте горемычного Бернардинского садика? Вот кстати кому должно быть обидно! Только довели до ума, только открыли, и на тебе – пора исчезать.

– Может, появится еще. Скорее всего, это временно.

– Все – временно. Вы сейчас о чем?

– О миражах, конечно. И о дожде. И о нас. Я имею в виду нас, сидящих под этим тентом. Рано или поздно надо будет выходить. И это хорошая новость.

– Думаете, хорошая? – серьезно спросила она.

И надолго умолкла.

Хотел попросить еще одну сигарету, но почему-то постеснялся. Хотя казалось бы, чего уж тут, все свои. Настолько свои, что и подумать страшно: кто-то из нас снится другому, а кто и кому, какая разница, потом разберемся. Сначала бы покурить.

Но вместо того, чтобы просить, поднялся со стула, просто чтобы размять затекшие ноги. Подошел к самой границе между дождем и защищенным от него пространством, брызг оказалось достаточно, чтобы сразу промокнуть по новой, с ног до головы. Но зачем-то высунул руку наружу, под дождь и держал ее там довольно долго. Думал: «Я люблю тебя больше жизни», – как будто и правда надеялся, что иногда мысль становится криком, способным преодолеть расстояние и немощь умолкшего телефона, добраться до адресата, влететь в одно ухо, в другое не вылетать.

А вслух сказал:

– Вода как вода.

...– Получилось! – торжествующе объявила женщина-амазонка.

– Получилось? Что именно?

– Дом, – ответила она. – Вот этот чертов дом из рыхлого желтого камня, который сейчас стоит на углу – видите? Это я его загадала.

– В каком смысле?

– В самом обычном. Сказала себе: пусть сейчас на этом углу появится дом, в котором я выросла. И вот пожалуйста, желтый камень-ракушечник, в Вильнюсе из такого не строят, здесь его просто нет. И все балконы увиты виноградом. Южный черный мелкий душистый виноград «Изабелла», сейчас, по идее, как раз урожай. Видите балкон на четвертом этаже, голубой в белый горох? Это наш. Папа его так покрасил, специально по моей просьбе, потом каждый год подновлял... Неважно. Очень приятно было все это снова увидеть, но я конечно

туда не пойду. Делать мне там совершенно нечего. У меня было отличное детство, но жить его еще раз – нет уж, увольте. Один раз я этот номер исполнила, вопрос закрыт. Лучше продолжим эксперимент, управлять городскими пейзажами гораздо интересней, чем покорно принимать их внезапную смену. И возьмите, пожалуйста, сигарету. Мне приснилось, что вам очень хочется закурить, а свои вы оставили дома, рассчитывая быстро вернуться, всего не предусмотритишь, особенно такой форс-мажор.

Взял, конечно. Поблагодарил. Снова сел на пластмассовый стул, затянулся крепким горьким дымом. Смотрел, как там, за сплошной стеной дождя, на углу улиц Майронё и Барборы Радвилайте вырастает сперва синий дом с резными декоративными башенками и круговыми балконами, потом какой-то футуристический ужас из стекла и металла, потом аккуратный краснокирпичный образец неоготики и вдруг – хрустальный дворец. Ну или не хрустальный, а из какого-то неизвестного материала, сверкающего, полупрозрачного, текучего, словно построенное из него здание не стоит на твердой земле, а льется с неба вместе с дождем.

– Видите! – торжествующе воскликнула женщина-амазонка. – Я сперва вспоминала разные знакомые здания, и они появлялись как миленькие, я даже не успевала по-настоящему захотеть. И вдруг подумала: желаю хрустальный дворец! Сама не знаю, как мне пришло в голову, но он уже тут. Такой прекрасный получился, гораздо лучше, чем если бы я продумала каждую деталь, ни познаний в архитектуре, ни даже мало-мальски хорошего вкуса у меня отродясь не было. А теперь вы попробуйте. Хотите? Почему нет?!

Пожал плечами.

– У вас так здорово получается. Но я, честно говоря, сейчас ничего уже не хочу. Только чтобы все это поскорее закончилось – дождь, миражи, наше с вами сидение под зонтом. И чтобы телефон наконец заработал. Меня дома ждут, дозвониться не могут. И, конечно, волнуются, хотя что со мной может случиться? Теоретически – ничего такого, чего нельзя пережить. А на практике все равно волнуются. Я бы и сам сейчас волновался, если бы это я остался дома. Такие уж мы дураки.

Женщина улыбнулась.

– Конечно, я понимаю. Вам уже все надоело. Затянувшийся дождь, дурацкие миражи, какие-то чужие ненужные чудеса.

Ответил ей такой же улыбкой.

– Не то чтобы надоело. Скорее, просто устал. И замерз. Даже ваш хрустальный дворец не могу оценить по достоинству, откладываю на потом, на такую, знаете, специальную полку памяти с пометкой: «Вспомнить и восхититься, когда появятся силы». А сейчас просто жду, пока эта улица станет наконец хоть немного похожа на ту, по которой я сюда пришел.

– Ладно, – серьезно сказала женщина. – Если так, я потерплю. Не буду пока ничего загадывать. Пусть реальность возвращается на место, пора бы вас отпустить. Если дома волнуются, это не дело – силой удерживать вас в игре.

И сдержала слово. Не сразу, но довольно быстро погасла. Сперва перестали пылать ее руки, потом лицо, только в глазах еще какое-то время прыгали веселые язычки огня, но если не присматриваться, совершенно обычное лицо, таких теток средних лет с короткими стрижками – полгорода, а что явственно светится в резко сгустившихся сумерках, так это обычное дело, видимо влюблена.

И дома на углу улиц Майронё и Барборы Радвилайте прекратили наконец издеваться над разумом, сменяя друг друга со скоростью сорок наваждений в час. Все действительно стало, как прежде, и теперь сквозь плотную стену дождя виднелись бледно-лиловые полупрозрачные стены и золотистая черепица двухэтажного жилого дома, который всегда здесь стоял.

– Вы сейчас думаете, что надо быть джентльменом и оставить мне зонтик, чтобы я могла добраться до своей машины, – сказала женщина-амазонка. – Так вот, не надо. Я не хочу к машине. Еще не наигралась. Только-только вошла во вкус. Лучше оставьте зажигалку, она мне пригодится. Свою не то где-то посеяла, не то просто забыла; неважно. Не хотелось бы остаться без вашего огня.

Улыбнулся:

– Конечно. Вообще не вопрос.

Отдал ей зажигалку, взял зонт. Сказал:

– Хорошего вечера.

– Не сомневайтесь, вечер будет очень хорошим, – серьезно согласилась она. – И ночь тоже. Этот дождь как минимум до утра.

Зонтик, конечно, не был решением проблемы. В такой ливень толку от него чуть. А все-таки лучше, чем без него, по крайней мере, нет опасности захлебнуться в этом дожде. Утонуть на ходу, в самом сердце Старого Города было бы очень нелепо. А так худо-бедно, но шел по тротуару, почти по колена в чертовой этой воде. Даже смог обернуться и помахать рукой желтому тенту возле кафе «Strange Love», отличное оказалось убежище, и компания что надо, и совершенно невероятные вещи с нами происходили, но как же хорошо, что решился сказать себе: «Хватит». Пора возвращаться домой. Вернее, сперва небольшой крюк к мосту за машиной, зато потом пять минут, и я дома. Господи, как же хорошо.

Достал из кармана телефон и с приятным удивлением обнаружил, что связь уже появилась, молодцы ребята, что тут скажешь, такой потоп, а они все починили. Не ожидал, что это случится раньше завтрашнего утра.

Два раза нажал зеленую кнопку, услышал четыре гудка, а потом наконец встревоженный голос: «Елки, куда ты пропал? Надеру тебе уши и три головы оторву, одну за другой».

Сказал: «Переждал ливень под тентом, связи почему-то не было, наверное авария, но это неважно, главное, что уже починили. Но слушай, тут такое творилось! Вспоминаю – себе не верю. Сейчас приду, расскажу».

Улица Ванагелё

(K. Vanagelio g)

Ведьма, жаба, принцесса

- Стой, - говорит Жанна. - Не надо туда ходить.

- Почему?

Правильный ответ: «Потому что нам нельзя через дорогу и если кто-нибудь из взрослых увидит нас на той стороне, будут крупные неприятности». Но откуда бы взяться правильным ответам вот прямо сейчас, когда мне всего пять с половиной лет, а Жанне - восемь, и она скорее согласится умереть на месте, чем признаться, что ей тоже запрещено переходить улицу, как маленькой. Ну уж нет!

Поэтому Жанна начинает говорить таким специальным зловещим сдавленным шепотом, от которого белый день кажется глубокой ночью, а залитая солнцем, обсаженная кленами и сиренью улица Ванагелё - темным подвалом с пауками и привидениями. И уже, в общем, почти все равно, что именно она скажет, и так страшно, заранее.

- Там живет ведьма. Вон в том доме, сразу за деревьями. И когда кто-то проходит мимо ведьминога окна, она может... Эй, почему ты так смотришь? Ты что, не веришь?

Обычно я стараюсь не спорить с Жанной. Особенно когда она рассказывает разные интересные вещи. Если станешь возражать, продолжения не дождешься. Спросишь, что дальше, отмахнется: «Да ничего». Что в переводе на человеческий язык означает: «А вот не надо было меня перебивать». И назавтра не расскажет, и даже через неделю. Вообще никогда. Жанна упрямая. И ничего не забывает.

Но иногда совершенно невозможно промолчать. Например, когда тебе кажется, что знаешь правду.

- В том доме живет тетя Ида, - говорю я. - А она точно не ведьма. Она с мамой дружит, а однажды даже платье ей сшила. Мама часто туда ходит, и никто ее не заколдовал.

– А откуда ты знаешь, заколдовали ее или нет? Ты что, проверяла? А как?

Ничего себе постановка вопроса.

– Думаешь, заколдовать – это обязательно превратить в какую-нибудь ужасную жабу? – наседают Жанна. – Или в камень? Сразу, как в сказке – калды-балды, зузгаляба-музгаляба! – превратился, и все? А вот и нет! Можно заколдовать человека так, что он сам об этом не узнает. Наденет, например, ведьмино платье, придет в нем домой, станет жить, как раньше. Никто ничего не заметит. А однажды ночью человек каааак проснется и каааак съест всех своих детей! Потому что, оказывается, превратился в людоеда. И никто не будет знать, почему так вышло, и кто виноват. А это просто старое-престарое колдовство сработало, человека, может быть, еще в прошлом году заколдовали. Или вообще десять лет назад. И ведьма давно из города уехала. И...

На этом месте я затыкаю уши. Не хочу ее слушать. Не хочу думать, что однажды ночью мама может стать людоедом и меня съесть! И никуда от нее не денешься, она же всегда ночует дома, и я тоже там. Может быть, попроситься жить к бабушке Эле? У бабушки грустная музыка по радио и ужасная рисовая каша каждое утро, зато бабушка совершенно точно никогда не была у тети Иды, не надевала ведьмино платье, а значит, ни в кого ужасного не превратится. А вот маааама...

Нет.

Думать о маме-людоеде совершенно невыносимо. Это гораздо хуже, чем просто страшно. Это как будто я осталась совсем одна во всем мире – навсегда. Раньше у меня была моя мама, а теперь – какой-то чужой людоед. И папа, и все остальные люди могут оказаться вообще кем угодно, если уж даже мама... Нет, я так не могу!

Я вообще не могу бездействовать. Это не в моем характере. Если случилась беда, надо все исправить. Прямо сейчас, немедленно. Любой ценой.

Поэтому я бегу через дорогу.

– Ты куда? – кричит Жанна. – Туда нельзя! Там же ведьма! Ты дура! Почему ты мне не веришь?!

Да верю я, верю. В том-то и беда.

Толкаю калитку, вбегаю во двор и со всей дури влетаю в объятия ведьмы. То есть тети Иды. Ну или... Не знаю. Короче, меня держат сильные теплые руки, я пытаюсь вырваться, бодаю мягкий живот, но ведьма тетя Ида не отпускает. Спрашивает:

- Ты чего? Что с тобой случилось?

Мне так страшно, как еще никогда в жизни не было, хуже, чем в поликлинике, где в любой момент тебя могут схватить и сделать укол. Но я все равно кричу прямо в обтянутый красной кофтой живот:

- Расколдуй мою маму! Пожалуйста! Нельзя, чтобы она была людоедка! Так нечестно!

Любая сказочная ведьма на этом месте ужасно рассердилась бы и превратила бы меня – например, в курицу, которую можно зажарить и съесть на обед. Или во что-нибудь еще похуже, хотя не представляю, что может быть хуже жареной курицы. Даже думать об этом не хочу.

Но тетя Ида почему-то не сердится.

- Да, действительно нечестно, – соглашается она. – Только я твою маму не заколдовала. В последний момент забыла нужное заклинание, представляешь? Поэтому ничего не получилось. Все в порядке с твоей мамой.

И тогда я наконец решаюсь поднять голову и посмотреть ей в лицо. Тетя Ида улыбается. И говорит:

- А вообще имей в виду на будущее: превратить человека в людоеда совершенно невозможно, даже если заклинания не забывать. В принцессу или в жабу – запросто. Или, например, в розовый куст. А людоедом надо сразу родиться. А нет – значит, нет. Без обид.

Я слушаю ее, открыв рот. Ага, значит, в жабу, все-таки можно! Так и знала, хотя папа говорит, что в сказках сплошные выдумки. Это он меня просто успокаивает,

чтобы не боялась, взрослые вообще довольно часто обманывают, хотя делают вид, будто врать нельзя. Хорошо, что тетя Ида честная. Не каждый день ведьмы вот так запросто открывают свои секреты. Мне очень повезло.

– Только в жабу тоже, пожалуйста, маму не превращай, – прошу я. – Тогда нам придется посадить ее в аквариум. Маме там точно не понравится. Она даже в речке купаться не очень любит, окунется и сразу бежит назад.

– Ладно, – легко соглашается тетя Ида. – В жабу не буду, договорились. А в принцессу можно? Ну, если я вдруг все-таки когда-нибудь вспомню заклинание.

Я молчу, пытаюсь представить последствия подобного превращения. Вреда, вроде бы, никакого. Зато у мамы будет дворец, корона и много красивых платьев. И сундуки с драгоценностями, как в кино. Может быть она даст мне их поносить? Ну или хотя бы померить? А может быть, лучше превратить в принцессу не маму, а сразу меня? И тогда не придется ни у кого ничего выпрашивать, пусть лучше мама сама просит у меня, а я ей дам, сколько захочет. Здорово я придумала! Ведьмам же, наверное, все равно, кого заколдовывать, лишь бы заколдовать? Или нет?

Я открываю рот, чтобы спросить, но вместо этого почему-то начинаю плакать. Взрослый сказал бы «от облегчения», но я-то пока не взрослая, мне всего пять с половиной лет, и я понимаю только одно: ужасно стыдно реветь при посторонней ведьме тете Иде. Теперь она наверное не захочет превращать меня в принцессу, скажет: «Принцессы плаксами не бывают», – и будет совершенно права, действительно не бывают. Так что лучше наверное и не просить.

Тетя Ида обнимает меня крепко-крепко и гладит по голове.

– А хочешь конфету? – вдруг спрашивает она. – Она не заколдованная. Обычная, из магазина. «Белочка». Будешь?

Я беру конфету, вежливо говорю: «Спасибо», – и, не разворачивая, прячу угощение в карман. Мало ли, что тетя Ида говорит «не заколдованная». От ведьминой конфеты вообще во что угодно можно превратиться, даже без заклинаний, это любому дураку ясно, если он хотя бы одну сказку в своей

жизни прочитал.

А превращаться мне пока не хочется. Даже в принцессу немножко страшно, а если не в принцессу, тогда ни за что! Зато мне ужасно хочется посмотреть, как превратится кто-нибудь другой. Только не мама, конечно. И не папа. Кто-нибудь, кого не так сильно жалко. Например...

Жанна уже во дворе, сидит на своем равновесии. Теперь я знаю, что качели такого типа называются «балансир», а в детстве мы говорили: «равновесие». «Идем кататься на равновесии», – и сразу ясно, о чем речь.

Жаннино равновесие сломалось еще зимой, что-то там внутри заржавело, застряло, и доска больше не летает вверх-вниз, а замерла неподвижно, причем под таким углом, что сидеть на ней неудобно, сползаешь. Никто там никогда и не сидит, кроме Жанны, ей нравится вскарабкаться повыше и усесться, вцепившись в края доски. Или лечь на спину, свесив руки и ноги по сторонам, – в такие моменты Жанна похожа на сломанную куклу, и я всегда немножко надеюсь – вдруг она взаправду умерла. То есть, на самом деле, я не хочу, чтобы Жанна умирала, а все-таки здорово было бы посмотреть на настоящего мертвеца и может быть даже потрогать, хотя я совсем не уверена, что решусь. Но вдруг?

Жанна видит меня и сразу демонстративно отворачивается. Но я все равно достаю из кармана тети Идину конфетой. Очень волнуюсь: а вдруг Жанна ее не возьмет? Когда Жанна такая сердитая, к ней лучше не лезть, это все во дворе знают и стараются не связываться.

Но я не могу не лезть и не связываться. Мне надо прямо сейчас! Очень не люблю ждать. От ожидания в животе делается дырка – невидимая, но самая настоящая. И все в нее улетает, становится каким-то ненужным, безвкусным и безрадостным, даже мороженое, карусель и мультфильмы, никакого от них удовольствия, пока чего-нибудь ждешь.

Поэтому я подхожу к качелям и говорю Жанне:

– Моя мама не людоед. Она вообще не заколдованная. Тетя Ида заклинание забыла и до сих пор не вспомнила. Она добрая, хоть и ведьма. И конфеты у нее

обычные, из магазина. Я целых две съела и ни во что не превратилась. А одну тебе принесла. Хочешь?

Жанна неопределенно дергает плечом. Молчит. Думает. Наверное боится брать ведьмину конфету. Кто угодно на ее месте испугался бы!

- Ладно, - наконец говорит она. - Давай.

И протягивает руку. Все-таки она очень храбрая. И никогда не плачет. Наверное, из Жанны получилась бы очень хорошая принцесса, лучше, чем из меня. Обидно, но это так.

Пока Жанна ест конфету, я успеваю представить, как вот сейчас она квакнет, подпрыгнет высоко-высоко, а в траву приземлится уже жабой, противного зеленого цвета, такого же, как ее кофта, которую она как нарочно надела, чтобы легче было превратиться.

Но Жанна ни в кого не превращается. Комкает зеленый конфетный фантик и кидает его далеко-далеко, в траву. Я смотрю, куда он падает. Надо обязательно запомнить и потом подобрать. У меня таких зеленых с белкой уже много, они вообще у всех есть, ни на что интересное не обменяешь. Но это все-таки не простая конфета, а тети Идина. И бумажка, наверное, тоже волшебная, лучше ее сохранить. Но при Жанне я ее поднимать не стану. Волшебный фантик - это будет мой секрет.

Наконец Жанну зовут обедать. Значит, и меня сейчас позовут. Но пара минут, чтобы найти в траве скомканную бумажку и спрятать ее в карман, у меня все-таки есть.

Вечером Жанна не выходит гулять. Я сижу, прилипнув к окну, жду, когда она появится во дворе, но время идет, уже начинает темнеть, а Жанна все не выходит, и у меня замирает сердце: неужели все-таки превратилась?

Интересно, во что?

Больше всего на свете мне хочется пойти в Жаннин подъезд, подняться на четвертый этаж, прижаться ухом к двери, послушать, что сейчас происходит у них дома. Наверное, Жаннина мама плачет? Кто угодно заплакал бы, если бы его дочка вдруг превратилась в жабу. Это, конечно, не так страшно, как мамалюдоед, но тоже ничего хорошего.

Но подслушать не получится, меня редко отпускают гулять по вечерам и только если во дворе есть другие дети, а сегодня там, как назло, никого. Самый конец лета, все куда-то уехали. Некоторые даже на море. Им везет.

Впрочем, шанс выйти во двор у меня все-таки есть. Ненадолго, но забежать в Жаннин подъезд успею, а это главное.

Способ не очень приятный, зато надежный. Надо сказать маме: «Хочешь, я вынесу мусор?» Если ведро пустое, ничего не получится, но оно редко бывает совсем пустым. Чаще – полным доверху, и тогда мама спрашивает: «Тебе не тяжело?»

Мне, конечно, тяжело. Еще как! И очень противно. Все-таки мусор. Он грязный и плохо пахнет.

Когда ведро совсем легкое, можно нести его на вытянутой руке, но обычно у меня не хватает сил, и тогда ведро ударяет по ноге, это хуже всего. Но приходится терпеть. Когда очень нужно выйти из дома вечером, вынести мусор – единственный вариант. Родители очень не любят сами его выносить и радуются, что я им помогаю.

Вот и сейчас мама, просияв, вручает мне почти полное ведро, спрашивает: «Тебе не очень тяжело?» Я отрицательно мотаю головой и волоку ведро к выходу, думая об одном: только бы не уронить его, только бы не рассыпать!

Так сильно боюсь уронить мусор, что никогда не роняю.

Мы живем на втором этаже, поэтому спускаться по лестнице не очень долго. А через двор идти уже гораздо легче, тут никаких ступенек, ровная земля, отдыхать, поставив ведро, можно хоть через каждый шаг, теперь оно точно не опрокинется. Но самое худшее еще впереди: надо будет поднять ведро, придерживая одной рукой за дно, и высыпать мусор в бак. И потрясти, чтобы обязательно выпала ужасная мокрая липкая газета, которой застилают дно. Иногда мне везет, и она вылетает сразу, но чаще прилипает к стенке, и тогда приходится вытаскивать ее рукой, брррррр! Очень противно.

Вот и на этот раз так вышло, газету пришлось вынимать, а потом долго-долго вытирать пальцы об траву, пока они не стали желто-зелеными от горького пахучего травяного сока – совсем другое дело, такую грязь я люблю.

Пустое ведро стоит возле мусорных баков, а я бегу к качелям, у нас с мамой такой договор: после того, как я выброшу мусор, можно десять минут покататься, даже если уже начало темнеть. Десять минут это, на самом деле, довольно много, все можно успеть – и покататься, и зайти в Жаннин подъезд, а если даже я чуть-чуть опоздаю, мама не рассердится. Мусор-то я уже выбросила, обратно в ведро он не запрыгнет, домой не придет, дело сделано, это для нее главное. А для меня главное – побыть одной во дворе. Когда никого больше нет, тут все мое, как будто я и правда принцесса. У каждой принцессы есть свой собственный двор с качелями где-нибудь за дворцом, куда больше никто не может пробраться. Стражники не пустят, и все!

Первым делом я иду к Жанниному равновесию. Не то чтобы мне нравилось туда залезать, но я все равно иногда залезаю, просто ей назло. Жанна очень не любит, когда там сидит кто-то кроме нее. Если большие мальчишки, она, конечно, помалкивает, что с ними сделаешь. А если кто-то из младших, сразу начинает кричать: «Это мое место!» – и спихивать нарушителя. И меня тоже, хоть и считается, что мы дружим. А на самом деле, наверное, нет. Когда дружат, не жадничают. И не обзываются.

«Хорошо, что я отдала Жанне тети Идину конфету, – думаю я. – Ни капельки ее не... Ой!»

«Ой» – это значит, что на Жаннином равновесии, на ее любимом месте сидит зеленая жаба, такая огромная, что если бы захотела, могла бы, наверное, проглотить целого кота. И меня... Нет, проглотить не смогла бы, но откусить руку и ногу – запросто.

Вот все-таки не надо было Жанну заколдовывать! Жанна и так ужасно вредная, а теперь, когда превратилась в гигантскую жабу, даже подумать страшно, что она может натворить.

На этом месте мужество окончательно оставляет меня, и я бегу домой. Без ведра, зато с такими воплями, что мама выскакивает мне навстречу. Ловит, обнимает, подхватывает на руки, целует, шепчет горячо в самое ухо: «Что случилось, зайчонок? Кто тебя обидел? Все хорошо?»

– Жаба, – говорю я, обессиленно повисая на маме. – Там на равновесии сидит жаба.

– Что?! Какая еще жаба? – растерянно переспрашивает она.

– Зеленая. Огромная-преогромная. Наверное она людоед.

И тут же прикусываю язык. Не надо было говорить про людоеда, теперь мама перепугается еще больше, чем я. А папа еще на работе. И кто нас с ней защитит?

Но мама почему-то наоборот как-то сразу успокаивается. И даже, похоже, радуется. Словно всю жизнь училась сражаться с жабами-людоедами, и теперь точно знает, что делать.

– Ладно, – говорит она, – сейчас мы с ней разберемся.

И идет прямо к жабе, в смысле к равновесию, а меня при этом по-прежнему держит на руках. То есть получается, мы вдвоем туда идем. К жабе! Больше всего на свете мне хочется вырваться и убежать, но наверное нельзя бросать маму одну. Может быть ей только со мной не страшно, а без меня мама сразу испугается, и жаба ее победит? Не знаю. Но лучше не рисковать.

Поэтому я просто закрываю глаза. Будь что будет.

Мы идем, потом останавливаемся. А потом мама вдруг начинает смеяться, и я от удивления открываю не только глаза, но и рот.

– Пластмассовая! – сквозь смех говорит мама. – Твоя жаба-людоед пластмассовая! Солнышко мое, бедный мой заяц, это же просто лейка!

И ставит меня на землю. На земле тоже вполне можно жить – при условии, что ужасная жаба не притворилась пластмассовой лейкой, чтобы нас обмануть. Подманить поближе, а потом кааак...

Но мама уже держит жабу в руках, и ничего страшного не происходит. По крайней мере, никто у нее ничего так и не откусил.

– Дырявая, к тому же, – объявляет мама и сует жабу мне под нос. – Смотри, какая большая дырка!

Я отворачиваюсь и зажмуриваюсь. Это невежливо, но лучше я пока на эту жабу не буду смотреть. А то вдруг от моего взгляда она превратится в настоящую? Мне почему-то кажется, что мой взгляд может все изменить. Раньше мне такое даже в голову не приходило. А вдруг я сама теперь ведьма? Наверное, когда даешь кому-то заколдованную конфету, от этого становишься ведьмой. Жалко, что я раньше не подумала. Ведьмой я быть не очень хочу. Я бы лучше все-таки превратилась в принцессу. Но теперь наверное ничего не исправить.

– Сейчас мы ее выкинем, – говорит мама. – И ведро заберем. И пойдём домой. И знаешь, что будем там делать? Нажарим много-много гренков. И будем их есть с клубничным вареньем. Хочешь?

Я киваю, хотя на самом деле не знаю, чего я сейчас хочу. Но пока мама несет пластмассовую зеленую жабу к помойке, понемногу начинаю понимать: больше всего на свете я хочу, чтобы Жанна превратилась обратно. Если бы она стала живой жабой, тогда еще ладно, даже интересно. Но быть мертвой дырявой пластмассовой лейкой – это как-то чересчур. Живой человек не должен превращаться в мертвое, даже такой вредный как Жанна. Тем более, не такая уж она вредная. Только иногда. И с ней интересно... было.

Было.

Это слово крутится у меня в голове, круглое, темное, гладкое, как каштан. «Было». Оказывается, это очень страшное слово. Оно означает, что кого-то уже больше нет.

Например, Жанны.

Я больше не хочу идти в ее подъезд и подслушивать под дверью, как плачет Жаннина мама. Или не плачет, а ругается? Не знаю. Ничего не хочу об этом знать. Было бы здорово вообще больше никогда не видеть Жаннину маму. Это непросто, когда живешь с человеком в одном дворе, но все-таки может повезти. Например, она будет очень рано уходить на работу. А возвращаться когда мы сидим дома и обедаем. Или наоборот, уходить во время нашего обеда, а приходиться поздно ночью, когда все спят. А в выходные пусть куда-нибудь уезжает. Или еще лучше, пусть переезжает отсюда совсем, навсегда! Тогда мне не придется на нее смотреть и вспоминать, что я натворила. А если не вспоминать, то наверное и не считается? Как будто не было ничего.

«И вообще, – думаю я, пока мама за руку ведет меня к дому, – никто никогда не узнает, что это сделала я. Никто не видел, как я давала Жанне ведьмину конфету. А тетя Ида сама будет молчать, такими вещами ведьмы не хвастаются. Они вообще все время притворяются нормальными людьми, чтобы их не поймали. И я теперь тоже буду притворяться. Я научусь».

К тому моменту, когда мы приходим домой и мама начинает резать хлеб на гренки, я уже почти торжествую, убедив себя в собственной неуязвимости. Никто не догадается, что это я дала Жанне конфету. Никогда!

Ночью я просыпаюсь от того, что совсем рядом кто-то плачет. И только потом понимаю, что это плачу я. Подушка уже совсем мокрая. Хорошо, что мама с папой спят, а то стали бы спрашивать, что случилось. А я сама не знаю. Никогда раньше не плакала во сне. Во сне у меня обычно все хорошо.

Вообще-то я не очень люблю просыпаться ночью. Ночью в квартире совсем темно, только на стенах пятна света уличных фонарей и тени, такие густые, черные, плотные, что лучше бы мне их не видеть, а то как потом в одной с ними комнате спать? Но теперь я ведьма. Хоть и нечаянно ею стала, а все равно, должна буду жить как ведьма. И наверное мне придется полюбить темноту. Ведьмы же ее вроде бы любят? Или не обязательно?

Все вдруг стало так сложно. И посоветоваться не с кем.

Я вылезаю из постели, подхожу к окну и смотрю во двор. Мусорных баков отсюда не видно. Наверное, это хорошо. Потому что там сейчас лежит Жанна. То есть, бывшая Жанна, пластмассовая лейка-жаба. Наверное страшно ночью лежать на помойке? Или когда ты пластмассовая, тебе уже все равно?

Я смотрю в окно и плачу, потому что мне жалко Жанну. Оказывается, заколдовать кого-то совсем не так весело и интересно, как я думала. То есть, вообще ни капельки не весело, а наоборот грустно. Я хочу, чтобы Жанна превратилась обратно. И пусть потом дразнится, пусть командует и дерется, пусть вообще никогда со мной не дружит, мне все равно. Лишь бы она опять была.

Жалко, что я не умею расколдовывать заколдованных. Зато тетя Ида наверное умеет. Надо будет ее попросить. Но что делать, если она не согласится? Скажет: «Сама дала ей конфету, сама теперь и расколдовывай». Засмеется, превратится в сову и улетит.

Или не в сову, а в ворону.

В этот момент мимо окна, совсем близко пролетает какая-то большая ночная птица, и я отпрыгиваю назад, обеими руками зажимая рот, чтобы не заорать. На самом деле мне очень хочется заорать, разбудить родителей, пожаловаться им на тетю Иду, птицу и темноту, но нельзя. Я теперь ведьма, у меня свои секреты и свои дела. Их не касается.

От этих мыслей я снова ощущаю себя самым одиноким человеком в мире, как днем, когда думала, что мама может стать людоедом. Только теперь мама не при чем. Теперь все из-за меня.

Я снова подхожу к окну. Птица уже улетела. Наверное, это была тетя Ида. Я о ней только подумала, а она сразу превратилась и прилетела, чтобы сказать мне: «Расколдовывай свою подружку сама». Наверное, так и сказала, просто я не расслышала. Окно же закрыто.

«Но я же не знаю никаких заклинаний, – думаю я. – Вообще ни одного! Какая-то глупая из меня получилась ведьма, только и умею, что чужие заколдованные конфеты другим детям раздавать».

А потом вспоминаю, что одно заклинание я все-таки знаю. Из книжки про волшебника Изумрудного Города. Мама мне ее на ночь читала зимой, по кусочкам, пока не засну. Это очень длинная сказка, почти на весь январь ее хватило. И там было заклинание: «Бамбара, чуфара, лорики, ёрики». Я еще спросила: «А ничего плохого не случится от того, что ты заклинание вслух говоришь?» – а мама тогда сказала: «Случится что-нибудь хорошее, в этой книжке все заклинания добрые, потому что она для детей».

Я тогда решила, что такое полезное заклинание, от которого случается что-то хорошее, обязательно надо запомнить. Лишнее хорошее никогда не повредит! Но потом уснула, а утром уже все забыла. Зато сейчас вспомнила. Какая я молодец!

Осталось придумать, что бы такое сделать, чтобы хорошее случилось не какое попало, а какое мне надо. Чтобы дырявая пластмассовая жаба снова превратилась в настоящую Жанну. Вот как бы это заклинанию объяснить?

И тут я вспоминаю про фантик. У меня же есть фантик от волшебной конфеты! Не зря я его подобрала, теперь он мне поможет. Обязательно должен помочь.

Я достаю из кармана кофты скомканную зеленую бумажку с белкой, аккуратно ее разглаживаю, а потом складываю из нее самолетик. Я умею, меня папа научил. Правда, таких маленьких мы с ним не делали, наоборот, большие, из целой газеты. Но сложить маленький самолетик, оказывается, даже проще. Совсем легко!

Залезаю с ногами на подоконник и открываю форточку. Этого мне, конечно, делать нельзя, но ничего, никто не узнает. А даже если узнают, ладно, пусть наказывают, другого выхода все равно нет. Я шепчу, прижав зеленый самолетик к губам: «Бамбара, чуфара, лорики, ёрики, – а потом добавляю от себя, как Злой Магрибский Колдун в кино, он тоже после заклинания объяснял, чего ему надо: – Пусть Жанна расколдуется и опять превратится в девочку, как была раньше!» И выбрасываю самолетик в форточку, в надежде, что ветер подхватит его и понесет куда надо, к помойке, где лежит дырявая жаба. Я зажмуриваюсь, чтобы не увидеть, куда он полетел – на всякий случай, потому что если мой самолетик с заклинанием просто упал на землю, я не хочу об этом знать. Пока я не знаю, не считается.

...Утром я сразу подбегаю к окну и смотрю во двор. И сразу же вижу Жанну – сидит на своем равновесии в той же самой кофте противного зеленого цвета, как вчера. Расколдовалась, получается. Заклинание сработало. По-настоящему! Вот это да.

Я смотрю в окно и думаю: «Значит, я теперь настоящая ведьма. Умею колдовать. Если вдруг что-то пойдет не так, я знаю заклинание: бамбара, чуфара, лорики, ёрики. Я его скажу, и сразу случится что-то хорошее. И все спасутся, и все исправится навсегда».

Улица Варпу

(Varpu g.)

Что тебе снится

Анна варит кофе, а я на нее смотрю. У Анны высокие скулы и слегка вздернутый веснушчатый нос, круглые серые глаза и длинный улыбчивый рот, крашенные желтые волосы торчат в стороны, как перья. Теоретически она некрасива. Однако я люблю смотреть на нее больше всего на свете.

Если верить единогласному вердикту друзей и знакомых, Анна отлично варит кофе. Но мне все равно, я его терпеть не могу, ни в каком виде, пью только ради удовольствия смотреть, как Анна стоит у плиты, вооруженная джезвой и длинной коктейльной ложкой. Она никогда не догадается о моей неприязни к священному напитку, потому что я знаю, как надо себя вести: после первого глотка придать лицу восхищенное выражение, а после второго адресовать чашке недоверчивый взгляд: дескать, неужели такое бывает? Неужели существует на этой земле столь божественное сочетание вкуса и аромата?! После третьего глотка недоверие должно смениться блаженством: верую, Господи, совершенство достижимо, и оно у меня во рту вот прямо сейчас, спасибо тебе. Потом можно расслабиться и закурить, с каким выражением я буду допивать кофе, неважно, лишь бы не скривиться, забывшись, потому что невыносимо горькая все-таки дрянь, пряный аромат мускатного цвета и кардамона ничего не меняет. Но я хочу смотреть на Анну – сейчас и потом, еще много-много раз, а значит, надо хранить стойкость.

Кот Арсен глядит на меня с осуждением. Он знает, что я лицемер, а потому никогда не залезет ко мне на колени. Но мнение Арсена, по счастью, не интересует Анну. Она думает, кот просто ревнует ее к очередному гостю.

- Что тебе сегодня снилось? – приветливо спрашивает Анна, открывая блокнот.

Мне ничего не снилось – ни сегодня, ни вчера, ни позавчера. И вообще никогда. Я не вижу снов. Мне не раз говорили, что так не бывает, дескать, все люди видят сны, просто не все их запоминают. Не знаю, может, и так, мне все равно. Вернее, было все равно, пока я не познакомился с Анной и не выяснил у общих приятелей, что самый верный способ сойтись с нею поближе – это рассказывать свои сны. Анна собирает и записывает чужие сновидения, говорит, ей нужно для книги, но я подозреваю, что книга – дело десятое, Анна уже так втянулась в это занятие, что будет допрашивать всех встречных и после выхода книги, хорошо еще, если не вместо; во всяком случае, мне, стороннему наблюдателю, ясно, что ею движет скорее азарт коллекционера, чем дотошность исследователя. Видели бы вы, как горят ее глаза, когда я открываю рот и говорю:

- Я шел через долину, поросшую темно-лиловой, почти черной травой, ноги утопали в бирюзовом песке, а впереди, на холме, был Город.

- Тот самый? – сочувственно спрашивает Анна.

- Тот самый, – киваю я.

Поначалу я рассказывал ей что попало. Дескать, старая работа снилась, или от злодеев по темным коридорам драпал, или покойная бабушка явилась в венке из незабудок. Но быстро понял, что ей все это не очень интересно. То есть Анна старательно записывала мои отчеты, благодарила, но чувствовалось, что они ее не увлекают. Наверное, уже наслушалась подобной ерунды по самое не могу. И тогда я придумал Город. Именно так, Город с большой буквы, куда я все время иду разными дорогами и никак не успеваю прийти – просыпаюсь. Соврал, дескать, сны про путь в Город снятся мне с детства. Не каждую ночь, конечно, но в последнее время все чаще. Никому никогда не рассказывал, но тебе, пожалуй, можно. Анна аж взвилась, вцепилась в меня мертвой хваткой: да-да, мне можно, рассказывай все, обязательно рассказывай!

А мне того и надо.

- Интересно, ты когда-нибудь доберешься до этого города? - спрашивает Анна.

Не вопрос. Доберусь, конечно. Как только сумею придумать что-нибудь стоящее. Какие там дома? Какая система улиц? Как выглядят жители? Чем занимаются? Какой транспорт? Течет ли река? Есть у них электричество или обходятся? И так далее. Надо бы все-таки однажды собраться и сочинить для Анны этот чертов Город, пока ей не наскучили мои придуманные сны и я сам заодно.

Я не обольщаюсь на свой счет. Я не нравлюсь Анне. То есть нравлюсь, но не настолько, чтобы через день поить меня кофе, не говоря уже о чем-то большем. Я не в ее вкусе, как, впрочем, и все остальное человечество, за исключением одного-единственного экземпляра. Анна по уши влюблена в своего итальянского мужа, который проводит здесь месяца два в году, ну и она у него в общей сложности примерно столько же - идеальный режим для счастливого брака, думаю, они оба это прекрасно понимают, вот и не съезжаются, отговариваясь важной работой, уже пять лет планируют, что после Рождества обязательно, а сами не чешутся, какой же дурак от четырех медовых месяцев в год добровольно откажется.

Так что я нужен Анне только в качестве поставщика удивительных сновидений о недостижимом Городе, она говорит, ничего подобного в своей практике не встречала. Оно и понятно, все остальные ее респонденты правду рассказывают, а я вру бессовестно, лишь бы посмотреть на нее три раза в неделю или даже четыре, если повезет. Я так люблю смотреть на Анну, что готов смириться со своей скромной ролью и не требовать большего. Сказал бы мне кто еще год назад, что так будет, ни за что не поверил бы. Сидеть, смотреть, кофе этим ее горьким давиться без малейшей надежды на развитие ситуации - какая унылая херня. Но сейчас мне вовсе не кажется, что это унылая херня, я смотрю на Анну и совершенно счастлив.

- А какой он, этот твой город? - спрашивает Анна. - Я понимаю, что ты его еще не видел, но - ты во сне знаешь, куда идешь? Это хорошее место? Или опасное?

- Прекрасное, - твердо говорю я. - Лучше просто не бывает. По крайней мере, во сне я в этом не сомневаюсь.

Если бы я решил, что Город – страшное место, придумывать интересные истории о нем было бы куда проще. Но Анна как-то проговорила, что уже закрыла тему кошмаров. В смысле закончила посвященную им главу. С тех пор я стараюсь придумывать только хорошие сны. А уж Город свой загубить, одним неосторожным словом превратив его в бесполезный для Анны кошмар, – это надо быть совсем идиотом.

– И ты очень хочешь туда добраться?

Анна мне искренне сочувствует. Это очень приятно.

– Да нет, мне в общем все равно, – отвечаю. И тут же прикусываю язык. «Все равно» – это звучит как-то неправдоподобно. Надо было сказать: мечтаю, жажду больше всего на свете, покоя не нахожу ни во сне, ни наяву. А то она, чего доброго, заподозрит обман, накроются наши посиделки за кофе медным тазом, и как я тогда?

Но нет, Анна выглядит заинтересованной, выходит, я ей угодил. Повезло.

– Я, конечно, не твой психотерапевт, – говорит она. – И вообще ничей. И не психотерапевт вовсе. Но ты-то сам понимаешь, что означает этот твой сон? Все так прозрачно, по-моему.

– Мечтательность? – неуверенно предполагаю я. – Инфантильность? В смысле мне до сих пор детский сон снится? Ты это хочешь сказать?

– Да ну, – отмахивается Анна. – «Инфантильность» – дурацкий какой ярлык... Не в этом дело. Я хочу сказать, ты привык думать, что все самое прекрасное – не для тебя. Недостижимо. И привык притворяться, будто тебе все равно. Такая самозащита, чтобы не слишком огорчаться. Ну понятно же, да?

Не в бровь, а в глаз, честно говоря. Хоть и не сон расшифровала, а дурацкую выдумку. А все равно выдал я себя с головой. Интересно, Анна догадывается, что она и есть «самое прекрасное», которое недостижимо? Да нет, вряд ли. Поклонников она от дома быстро отваживает, они ее раздражают, мешают сладко тосковать по далекому итальянскому мужу и вообще отвлекают.

– Я поэтому очень хочу, чтобы тебе однажды приснилось, как ты вошел в свой Город, – говорит Анна. – Это важно. Это был бы большой прорыв.

Ладно, думаю. Будет тебе прорыв. Устроим. Что ж не порадовать хорошего человека. Не прямо вот завтра, конечно, но через пару недель – непременно. Как раз к тому времени придумаю что-нибудь достойное, чтобы блокнот этот твой дурацкий задымился.

– Кофе подлить? – ласково спрашивает Анна.

– О, – восхищенно вздыхаю я. – О-о-о-о! И ты еще спрашиваешь!

Я лежу в постели – не в Анниной, конечно, а у себя дома, на улице Шварцо и смотрю в потолок. Это черт знает какая уже по счету попытка сочинить для Анны увлекательный рассказ о прекрасном Городе. В голову лезет какая-то ерунда, в качестве заветной цели, к которой шел много лет, все эти пряничные домики с башенками выглядят, прямо скажем, неубедительно. Может быть, потому, что придумываю я для Анны, чьих предпочтений толком не знаю, а надо – для себя. В конце концов, это не ее, а мой сон, моя недостижимая цель, моя несбыточная мечта. Выдуманная наспех, по случаю, а все равно моя. Тебе-то самому куда хотелось бы в итоге прийти? – спрашиваю себя.

Я не знаю. У меня нет ответа. Но, по крайней мере, теперь есть правильно поставленный вопрос. Я закрываю глаза и вижу синие черепичные крыши где-то далеко внизу. Так выглядит мой Город с высоты птичьего полета. Синяя черепица – интересно, из чего они ее мастерят? Или просто красят? Я хочу рассмотреть получше, думаю – надо бы спуститься пониже, – делаю какое-то загадочное усилие, не то мышечное, не то волевое, но вместо того, чтобы аккуратно приблизиться к синим черепичным крышам, начинаю падать, все быстрее и быстрее, и – просыпаюсь на полу, в добрых трех метрах от кровати. Выходит, я как-то успел заснуть.

И синие черепичные крыши мне приснились. Я спал и видел сон.

Ничего себе.

– Мне приснилось, что я опаздываю на поезд, – говорю я Анне.

Вообще-то стыдно должно быть. Наспех позаимствовал у коллективного бессознательного популярный кошмар. Всем моим знакомым время от времени снится, что они опаздывают на поезд; все они очень не любят такие сны. И я теперь туда же. А что делать? Анна позвонила сама, предложила выпить кофе, и я согласился, не подумав, по привычке: если Анна зовет, надо идти, преисполнившись благодарности. Ну вот, пришел, сижу, пялюсь на нее, как дурак малахольный, счастлив, как всегда, но рассказывать о том, как разглядывал во сне синие черепичные крыши Города с высоты птичьего полета, мне почему-то совсем не хочется. Нет, даже не так. Я чувствую, что рассказывать об этом нельзя ни в коем случае. Давешний сон – моя самая страшная тайна, не знаю почему, но это так.

Анна доброжелательно кивает и даже записывает что-то в блокнот, но на дне ее серых глаз притаилась скука. Ну да, могу представить, сколько раз ей про опоздание на поезд рассказывали, если уж даже я таких историй наслушался, никогда никого про сны специально не расспрашивая. Мне очень хочется ее удивить, поэтому я говорю:

– И знаешь что? Я сперва суетился, метался по вокзалу, бежал куда-то, искал нужную платформу, все как положено. А потом вдруг обрадовался: как же хорошо, что я опоздал, теперь можно не ехать на этом поезде, а сесть в какой-нибудь другой – вон их сколько. И это было такое счастье, такое облегчение – передать тебе не могу.

Анна внимательно смотрит на меня. Кажется, я ее удивил. И пожалуй, обрадовал – вон как сияют ее глаза.

– Какой хороший сон, – говорит она. – Действительно хороший. Как я за тебя рада, ты не представляешь.

Я, кстати, тоже очень за себя рад почему-то. Хоть и выдумал все это вот прямо сейчас, наспех, чтобы Анна не заскучала от моего рассказа.

Я стал очень рано ложиться, еще до полуночи. Не засыпаю, конечно, просто лежу и смотрю в разноцветную темноту под закрытыми веками. Жду. Мне легко

быть терпеливым и не торопить события. Я умею говорить: «Мне все равно», – более того, я умею в это верить. К тому же мне нравится сам процесс: лежать, смотреть, ни о чем не думать. Ждать.

Где-то рядом раздается негромкий перезвон. Я открываю глаза – что это? Где? А это просто ветер теребит связку колокольчиков над входом в мою лавку. А я лежу на крыше и внимательно ее разглядываю. Такая светлая, почти голубая черепица – большая редкость, потому что мастерская Йонки, где я ее заказывал, маленькая, да и спешить он не любит, так что во всем городе едва ли наберется три дюжины таких светлых крыш. Мне просто повезло, Йонка мой однокашник, вместе в Подводную школу ходили, вот и не смог мне отказать, еще и подмешал в глину какой-то редкий порошок, так что черепица приобрела едва заметный бирюзовый оттенок, больше у него так ни разу не получалось. И это очень здорово. Если уж я чего-то захотел, в лепешку расшибусь, но добьюсь своего, а тут все само собой вышло, самая красивая крыша в городе – моя.

Все это хорошо, но надо слезать. Лавка нараспашку, а хозяина нет на месте – где такое видано? Тем более в моих завалах сам черт ногу сломит, лавка букиниста – это не то место, где покупатель может сам взять необходимое, положить деньги и идти восвояси. Без меня никто ничего не найдет, только бардак разведут, так что – вперед. А сюда вернусь ближе к вечеру, с моей крыши отличный вид на закат; если повезет, можно поймать момент, когда заходящее солнце отражается в перилах Стеклянного моста, с этим зрелищем ничего не сравнится.

Вовремя спустился, в лавке полно школьниц, сидят на подоконнике, как птички, болтают ногами, щебечут. Нита, Йонкина дочка, с подружками, таким нельзя давать заскучать, это они только с виду милые барышни, а на самом деле – стихийное бедствие, все вверх дном перевернут, если вожжа под хвост попадет.

Нита прыгнула мне на шею прямо с подоконника, я едва на ногах устоял.

– Дядя Клаус, выручай! Нам срочно нужна книжка про сны, – тараторит она. – Только не сонник, конечно. И не ученый трактат о природе сновидений. А чтобы

там просто чужие сны пересказывали, настоящие, которые людям снятся. Очень надо! Очень-преочень! Правда же, у тебя есть?

- Кое-что найдется, - говорю я и лезу в сундук. Потом в другой. Да куда же она подевалась, совсем недавно видел... А, вот. - Держи, - говорю. - Редкий экземпляр. Кому другому не продал бы, но тебе - так и быть.

- Анна Нейли. «Роль сновидений в жизни жителя современного ме-га-по-ли-са», - читает Нита. - Дядя Клаус, а что такое «мегаполис»?

- Просто большой город, - говорю я. - Очень большой. Даже слишком. Как десять наших.

- Представить не могу! А разве такие бывают?

- Еще и не такие бывают, - пожимаю плечами. - Чем дольше живу, тем лучше понимаю, что бывает вообще все. В том числе такое, чего мы и представить не можем.

- Это именно то, что надо! - улыбается Нита, наскоро пролистав книгу. - Какое же тебе спасибо! А ты сам ее читал?

- Читал когда-то.

- Ну и как? Сны этих... «жителей ме-га-по-ли-сов» - они похожи на наши? Или совсем другие?

- Понятия не имею, - говорю. - Не с чем сравнивать. Я никогда не вижу снов.

Улица Врублевскё

(Т. Vrublevskio g.)

Карл у Клары

Понедельники были хуже всего, потому что раньше по понедельникам приходилось идти на работу, после выходных это особенно трудно, за два дня невидимые кровоточащие раны, натертые строгим ошейником неизбежного распорядка, успевают чуть-чуть затянуться, ровно настолько, что начинаешь надеяться: однажды они заживут. И тут – бабах! – снова понедельник, ненавистный ранний подъем, склизкая овсянка, омерзительно горький кофе, самый дешевый из по-настоящему крепких сортов, от такого быстрее просыпаешься.

И вдруг все это отменилось. Вечный отрицательный ответ на вопрос: «Мама, можно я сегодня не пойду в школу?» – внезапно стал утвердительным. Конечно, можно, детка. Тем более, что школу ты давным-давно закончила, даже институт худо-бедно вытянула, а с работы тебя, тупую корову, наконец-то уволили; слава богу, мне все равно, я умерла и больше не должна во всем этом участвовать. Как же я ждала этого прекрасного момента! Думаешь, тебе одной так ненавистны ежедневные бессмысленные усилия ради прокорма? Господи, ну и дура. Всем ненавистны, никто так не хочет, все так живут, это и есть жизнь.

Понедельничных мук больше не было, но без них стало только хуже, раны, натертые строгим ошейником, превратились в жгучие черные дыры страха, парализующего ужаса перед неминуемой расплатой за счастье спать сколько хочется, никого не видеть, ничего не делать, никуда не ходить. Еще одна неделя прошла, денег стало меньше, день, когда они совсем закончатся, и станет нечем платить не только за еду, но и за электричество, газ, воду, все ближе, надо что-то предпринимать, иначе умрешь, просто сдохнешь от голода, как бомжика, в холодном доме, под грудой неоплаченных счетов и судебных исков, понимаешь, ты, идиотка? Если немедленно не встанешь и не начнешь искать работу, новую счастливую возможность пинками поднимать себя по утрам, жрать склизкую овсянку, хлебать горький кофе, неэкономно принимать горячий душ, красить осточертевшее свиное рыло, чтобы стало хоть немного похоже на человеческое лицо, втискивать рыхлое тело в условно приличную одежду, куда-то бежать – в обмен на жалкую иллюзию уверенности в завтрашнем дне, таком же отвратительном, как сегодняшней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Роберт Льюис Стивенсон «Остров Сокровищ», перевод Н. Чуковского.

2

Тове Янссон «Шляпа волшебника», перевод В. А. Смирнова.

3

Онейронавтика – условно говоря, наука об, условно говоря, осознанных и, еще более условно говоря, контролируемых сновидениях.

4

Кайпиринья – коктейль, в состав которого входят кашаса (бразильская водка из сахарного тростника, сок лайма и колотый лед.

5

Инспектор Том Барнаби – главный герой британского детективного телесериала «Чисто английские убийства» (англ. «Midsomer murders»).

6

Вероятно, Люси играет в компьютерную игру «Color Lines».

7

Сома – ритуальный напиток у индоиранцев и в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах и одновременно олицетворяющее этот напиток божество.

8

На самом деле по всем приметам это улица Пилимо (Pyllimo), она действительно находится совсем рядом с улицей Базилиону, и крытый рынок (Hales Turgus) там тоже есть.

9

Кемекс (chemex) – стеклянная колба, по форме напоминающая песочные часы, и одновременно способ приготовления кофе в этом сосуде. Название происходит от английского слова «химия» – chemistry. При приготовлении кофе в верхнюю часть сосуда вставляется фильтр, на который высыпается кофе крупного помола. Бариста медленно льет на кофе горячую воду из специального чайника с длинным носиком, заваренный кофе постепенно проливается через фильтр

в колбу. При использовании такого метода кофе сравнительно долго контактирует с кислородом, что позволяет смягчить его вкус. Кемекс изобрел в середине двадцатого века американский химик Петер Шлюмбом, а активно использовать его начали только 50 лет спустя. Некоторые называют кемекс кофейным декантером (по аналогии с винным), считая, что соприкосновение с кислородом обогащает и раскрывает кофе.

Купить: <https://tellnovel.com/maks-fray/skazki-starogo-vil-nyusa-iv>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)